

РОДДИ ДОЙЛ

ПАДДИ КЛАРК
ХА-ХА-ХА

Литературные сокровища XX века

Родди Дойл

Падди Кларк ха-ха-ха

«Издательство АСТ»

1993

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Coe)-44

Дойл Р.

Падди Кларк ха-ха-ха / Р. Дойл — «Издательство АСТ»,
1993 — (Литературные сокровища XX века)

ISBN 978-5-17-120065-7

На дворе 1968 год. Патрику «Падди» Кларку десять, он живет в Барритауне – пригороде Дублина – с ма и па, братом Синдбадом и двумя сестренками. Падди ходит в школу, гоняет в футбол на улицах и играет с друзьями в ковбоев. Любит индейца Джеронимо, святого отца Дамиана и его прокаженных и футболиста Джорджа Беста. Ненавидит зоопарк, поцелуи и своего младшего брата. А еще Падди чувствует, что его мир вот-вот изменится навсегда... Используя прием «потока сознания» и нетрадиционную структуру повествования без деления на главы, Дойл показывает не только непрерывно меняющийся мир ребенка со всеми взлетами и падениями, радостями и потерями, но и его взгляд на взрослые проблемы.

УДК 821.111-3(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-120065-7

© Дойл Р., 1993

© Издательство АСТ, 1993

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	45
-----------------------------------	----

Родди Дойл

Падди Кларк ха-ха-ха

Эта книга посвящается Рори

Roddy Doyle
PADDY CLARKE HA HA HA

© Roddy Doyle, 1993

© Перевод. О. Майорова, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

* * *

Мы шли по нашей улице. Кевин вдруг остановился и изо всех сил двинул палкой по калитке. По калитке миссис Квигли, а миссис Квигли вечно смотрела в окно и никогда ничего не делала.

– Квигли!

– Квигли!

– Квигли, Квигли, Квигли!

Лиам с Эйदानом свернули в свой тупичок. Мы ничего им не сказали на прощание, да и они нам ничего не сказали. У Лиам с Эйदानом не было матери. То есть была, конечно, да умерла. Звали ее миссис О'Коннелл.

– Потрясающе было бы, ага? – вздохнул я.

– Ага, – поддакнул Кевин. – Нехило.

Мы имели в виду: нехило, когда маманя умерла. Синдбад, мой младший братишка, понял и заревел. Лиам учился со мной в одном классе. Однажды он наложил в штаны, и вонь накрыла нас, как накрывает печной жар, если отворить заслонку. А учитель ничего ему не сделал: не орал, не стегал в ярости ремнем по его парте. Ничего! Только велел нам сложить руки и уснуть, а когда мы уснули, вывел Лиам вон из класса и долго не возвращался. А Лиам в тот день совсем не вернулся.

Джеймс О'Киф прошептал:

– Я бы обгадился – он бы меня убил!

– Угу.

– Нечестно, – ворчал он, – нечестно.

Мистер Хеннесси, учитель, Джеймса ненавидел. Пишет, бывало, на доске, стоя к нам спиной, и говорит:

– О'Киф, я ведь знаю, что-то вы там творите, чем-то вы не тем заняты. Не ждите, пока я вас поймаю.

Однажды сказал так, а Джеймса О'Кифа вообще не было. Свинкой болел.

Хенно привел Лиам в порядок в учительском туалете, потом пошел с ним к директору, а уж директор на собственной машине отвез Лиам к тетке, потому как дома у О'Коннеллов никого не было. Тетя жила в Рахени¹.

– Бумаги он два рулона извел, – рассказывал Лиам, – и шиллинг мне дал.

– Вранье, покажи.

– Вот!

---

¹ Здесь и далее упоминаются пригороды Дублина и окрестные районы.

– Тю, это три пенса...

– Я остальное все потратил. – И с этими словами Лиам достал из кармана пакет ирисок, вернее, остатки пакета, и показал нам. – Вот!

– Дай одну.

– Там всего-то четыре штучки осталось. – Лиам засунул ириски обратно в карман.

– Ах, так, – сказал Кевин и толкнул Лиам.

Лиам побрел домой.

В тот день мы возвращались домой со стройки. Набрали длинных шестидюймовых гвоздей, дощечек – кораблики делать, вдоволь накатались кирпичами в канаву со свежим цементом. И вдруг Эйдан как дал деру – он страшно хрипел, задыхался от астмы. Ну мы и побежали тоже. Кто-то за нами гнался. Но мне пришлось ждать Синдбада, и я увидел, что никто за нами и не гонится. Но промолчал. Схватил Синдбада за руку и помчался, еле нагнал остальных. Остановились мы, только выбежав на пустырь. Хохотали, визжали через дырку в заборе. Потом полезли наружу, опасливо оборачиваясь, не идет ли сторож. Синдбад зацепился рукавом за колючую проволоку.

– Сторож идет! – заорал Кевин и проскользнул в дырку.

Мы оставили Синдбада сражаться с проволокой и притворились, что удираем. Было слышно, как мой брат громко сопит. Мы присели у ворот ближнего к забору дома – О’Дрисколлов.

– Патрик, – захныкал Синдбад.

– Синдба-а-ад, – передразнил Кевин.

Эйдан засунул пальцы в рот. Лиам пульнул камнем в забор.

– Маме скажу, – ныл Синдбад.

Я сдался. Отцепил мелкого, вытер ему нос рукавом. И потопали мы домой ужинать: четверг – пастуший пирог².

Отец Лиам и Эйдана был на луну. Не каждый день, понятно, только иногда среди ночи, на заднем дворе. Я никогда не слышал, но Кевин говорит, слышал. Ма говорила, что это он по жене тоскует.

– По миссис О’Коннелл?

– Верно, верно.

Па с ма был согласен.

– Горюет, бедняга, – вздыхала мама.

Кевинов отец утверждал, что мистер О’Коннелл воет по пьянке. Он, впрочем, не говорил «мистер О’Коннелл», он говорил «наш лудильщик».

– Кто бы говорил – сказала моя мама. – Не слушай ты его, Патрик, он шуткует так. Ну сам посуди, где мистеру О’Коннеллу напиться? В Барритауне³ и паба-то нет.

– В Рахени зато целых три.

– Рахени не ближний свет, не наездишься, – сказала ма. – Бедняга мистер О’Коннелл. Что уж толковать о нем.

Кевин рассказал Лиаму, что видел, как его папаня смотрит на луну и прямо так «у-у-у», точно волк-оборотень.

Лиам обозвал Кевина брехлом.

Кевин заорал: «А ну, повтори!» Но Лиам повторять не стал.

---

² *Пастуший пирог* – традиционное блюдо британской кухни, слоеная запеканка из рубленого мяса или фарша и картофельное пюре.

³ *Барритаун* – вымышленный пригород к северу от Дублина, который, как считается, представляет собой смесь реальных районов, в которых вырос автор – Килбаррака и Баллимуна. Башни – многоэтажные дома Баллимуна, построенные в 1960-х, – стали символом экономической депрессии в стране в 1980-х гг. и провала массового строительства государственного жилья в Дублине. Действие первых трех романов Р. Дойла также разворачивается в Барритауне.

Ужин был не готов. Синдбад оставил правый ботинок на стройке. Нам запрещали там играть, и мелкий соврал, что не помнит, где его забыл, этот ботинок. Ма Синдбада отшлепала. Держала его за руку и шлепала, а он уворачивался, так что не сильно досталось. Но Синдбад все равно ревел, и ма его отпустила.

Синдбад у нас рева-корова.

– Не дите, а сто фунтов убытку, – сказала она Синдбаду, сама чуть не плача. И велела после ужина пойти нам вдвоем и отыскать этот ботинок. Я, видите ли, должен был за младшим приглядывать.

Впотьмах еще переться через дырку в заборе, через пустырь, а на стройке грязища, сторожа, в цемент еще вляпаюсь. Ма отправила нас мыть руки. Я прикрыл в ванной дверь и прописал Синдбаду за все хорошее.

Я должен был присматривать за Дейрдре, лежащей в колыбельке, пока ма надевала мелкому чистые носочки. Она вытерла ему нос и глаза прямо костяшками пальцев и долго-долго смотрела ему в глаза. «Ладно-ладно, успокойся уже», – говорит. Я испугался, что сейчас ма спросит, что же все-таки случилось, а он наябедничает. Я качал колыбель, подражая ма.

Мы развели костер. Мы всегда разводили костры.

Я снял свитер, чтобы он не провонял дымом, – холодновато, правда, но терпеть можно, – и озирался, куда бы свитер положить на чистое. Мы гуляли по стройке. Вот загородка, где стояли лопаты, вот кирпичи, вот сарай, где строители пьют чай. У дверей сарая всегда валялись корки от хлеба – большие кучи корок с остатками джема. Через проволочную ограду мы наблюдали за чайкой, тянувшей шею за аппетитной корочкой, – клювик короткий. Чайка почти схватила лакомый кусок, но вдруг еще одна корка вылетела из двери и прямо птице по голове. Строители в сарае взревели от смеха.

Со стройки все куда-то подевалось. Осталась только квадратная яма с грязью, обломки кирпичей да следы автомобильных шин. А вот и новая дорога, которая раньше была сырым цементом; а в конце нее – новая стройплощадка. Мы пошли смотреть свои имена, которые написали на цементе, но их стерли, ничего не осталось.

– Тьфу, дерьмо, – сказал Кевин.

Весь Барритаун был исписан нашими именами, все тротуары и дорожки. Писали ночью, когда все, кроме сторожей, само собой, разойдутся по домам. А утром, когда наши надписи находили, было уже поздно – цемент застыл. Мы поступали по-умному, писали только имена, без фамилий. А то вдруг строители пойдут по домам искать мальчишек, которые им весь цемент испортили.

Строек в Барритауне было много: то такой дом, то сякой.

Мы однажды написали адрес Лиамы, имя и фамилию черным фломастером на свежей, только что оштукатуренной стене внутри одного из домов. И ничего ему не было.

Как-то раз ма не сразу учуяла дымный запах от свитера. Сначала взяла меня за руки, присмотрелась:

– Ты только глянь на свои руки! А ногти-то! Господи, Патрик... Ты что, длядохлой кошки могилу рыл?

Потом она принялась.

– Что ты натворил?!

– Костер жгли.

И мама меня убила. Самое ужасное оказалось ждать отца с работы и гадать, доложит ли она ему обо всем.

Спички были у Кевина: «Свон», целый коробок. Нравились мне эти коробки. Мы соорудили вигвам из досок и палочек, нашли за магазинами два картонных ящика, разорвали их и подсунули их между досок. Само по себе дерево плохо разгорается.

Было еще светло. Кевин зажег спичку. Мы с Лиамом следили, не идет ли кто. Больше с нами никого не было: Эйдан был у тетки, Синдбад лежал в больнице – ему удаляли гланды. Кевин сунул спичку под ящик, подождал, пока бумага затлеет, и бросил спичку. Вместе мы смотрели, как огонь пожирает картонку. А потом удрали.

У меня со спичками вечно были проблемы. То спичка сломается, то не зажжется, то чиркаешь-чиркаешь, а оказывается, не по той стороне коробка, а уж если она загоралась, то я слишком быстро ее бросал.

Мы ждали за домом, а как только появился сторож, бросились бежать. Вот и забор, наш путь к спасению. Кевин говорит, что если не поймали на самой стройке, то всё, ничего уже не смогут нам сделать. Если поймают на дороге, да еще и ударят – запросто в суд можно подавать. Нашего костра мы почти не видели. Выжидали. Это был еще не дом, одни стены. Шесть домов встык. Здесь строила дома Корпорация. Еще немножко подождали. Я забыл свитер.

– Ой, ой!

– Чего «ой»?

– Ой, чтоб меня!

– Чего чтоб тебя?

– Тревога! Тревога!

И мы поползли вдоль стены. Не всю дорогу, конечно, так было бы слишком долго. Где-то здесь стояла бочка, а свитер я спрятал рядом. Тут я побежал, спрятался за бочкой и с трудом перевел дыхание для последнего рывка. Оглянулся. Кевин встал прямо, оглянулся по сторонам и опять пригнулся.

– Порядок! – сказал он шепотом.

Я сделал глубокий вдох и выскочил из-за бочки. Никто даже не кричал в мою сторону. Я издал звук, похожий на взрыв бомбы, подхватил свитер с кирпичей и опять спрятался за бочку.

Костер наш разгорелся что надо, дым валил клубами. Я схватил камень и пулянул прямо в огонь. Кевин снова высунулся и огляделся в поисках сторожа. Горизонт был чист. Он дал мне сигнал возвращаться, и я снова пополз вдоль стены. Кевин похлопал меня по плечу. Похлопал меня по плечу и Лиам.

Я обвязал рукава свитера вокруг пояса, сделал спереди двойной узел.

– Ну, мужики, пошли.

Кевин выбежал из укрытия, мы – за ним, и пустились вокруг костра в пляс:

– Ву-ву-ву-ву-ву-ву!.. – выкрикивали мы индейский клич, шлепая по губам ладонями.

– Хи-йя-йя-йя-йя!..

Тут Кевин пнул костер в мою сторону, и он развалился. Горело уже несильно. Я перестал танцевать, а за мной и Кевин с Лиамом. Кевин потащил Лиаму к огню.

– Отвянь!

Я стал помогать Кевину, но Лиаму явно было не смешно, и мы перестали. Потные, мокрые, стояли мы у гаснущего костерка. Тут мне пришла в голову мысль.

– Сторож ублюдок!

Мы трое кинулись за дом, хохоча и крича:

– Сторож ублюдок! Сторож ублюдок!

Вдруг нам что-то послышалось, точнее Кевину что-то послышалось. Удирали мы зигзагами через бывшее поле, пригнувшись, чтобы спастись от пуль. Я упал в канаву. Потом началась драка – не драка, а так, толкотня. Лиам метил мне в плечо, а попал по уху. Жутко больно. Так что ему пришлось подставить свое ухо для удара. Чтобы не начать отбиваться, Лиам спрята-
тал руки в карманы.

Из канавы мы вылезли, потому что на лицо стали садиться мошки.

Синдбад не хотел набирать полный рот горячего от зажигалки.

– Это же рыбий жир, попробуй, – убеждал я его.

– Нет, не рыбий жир, – ныл мелкий и отчаянно извивался. Но я удержал его. Мы были в сарае на школьном дворе.

Рыбий жир мне нравился. Раскусываешь пилюлю зубами, и жир обволакивает язык и нёбо, пропитывает, как чернила промокашку. Теплый такой, приятно. И сама пилюля вкусная.

Был понедельник. Хенно дежурил во дворе, но в основном болтался на другой стороне, смотрел, как мальчишки играют в гандбол. Ненормальный у нас был учитель все-таки. Если бы он заглядывал время от времени в сарай, то многих бы застиг на месте преступления. А если учитель поймает пятерых, например, за курением или за каким-нибудь хулиганством, ему дают прибавку к зарплате. Так говорил Флюк Кэссиди, а у Флюка Кэссиди родной дядька был учитель. Но Хенно интересовал только гандбол, и время от времени он скидывал куртку и свитер и сам выходил на поле. Играл он отлично. Бросит мяч, и вы его даже не видите, летит как пуля, пока не ударится о стену. У него даже на машине была наклейка: «Живи дольше, играй в гандбол».

У Синдбада уже не было видно губ, так сильно он сжимал их. Никак мы не могли заставить его открыть рот. Кевин прижал капсулу с горючим прямо к его губам – без толку. Я ущипнул Синдбада за руку. Тоже бессмысленно. Ужас какой-то, с собственным младшим братом не могу справиться, и все это видят. Я дергал его за волосы над ухом, поднимал его от земли. Мне хотелось сделать ему побольнее. Мелкий зажмурился, но слезы все равно лились и лились. Я зажал ему нос, и он тут же разинул рот, и Кевин всунул капсулу, а Лиам поджег ее спичкой.

Мы решили – я и Кевин, – что зажигать будет Лиам, а то вдруг еще нас поймают.

Получился огнедышащий дракон.

Все-таки я больше любил увеличительные стекла, а спички не любил. Каждый день мы развлекались тем, что поджигали пучки сухой травы. Мне нравилось смотреть, как трава меняет цвет, как по ней ползет пламя... С увеличительным стеклом как-то больше возможности для контроля, проще как-то, хотя умение требуется. Если солнце долго не прячется за тучку, можно поджигать бумагу, даже не прикасаясь к ней руками, надо только положить камушки по углам, чтоб ветром не сдуло. Мы устраивали соревнования: поджег-погасил, поджег-погасил. Победитель прижигает проигравшему ладонь. Еще мы рисовали на бумаге человека и прожигали в нем дыры – сначала в руках и в ногах, как у Иисуса. Рисовали ему длинные волосы. Пипиську оставляли напоследок.

Еще прорубали просеки в крапиве. Ма все спрашивала, что это я в такой погожий денек иду гулять в пальто и в перчатках.

– Крапиву рубим, – солидно говорил я.

Крапива была густая, высокая, прямо великанская. Ожоги от нее были огромные и очень долго зудели. Почти весь пустырь за магазинами зарос. Ничего другого не росло. Одна она. Сначала мы рубили крапиву палками и клюшками для хёрлинга⁴, потом топтали. Стебли сочились зеленой жижей. Каждый прорубал свою дорогу, избегая соседской палки или клюшки, потом наши пути встречались, крапива исчезала, и пора было идти домой. Клюшки зеленели от сока. На лице у меня было два ожога. Я снял балаклаву, потому что вся голова чесалась.

Я рассматривал в увеличительное стекло крошки. Па протянул руку. Я отдал стекло без разговоров. Он стал разглядывать волоски у себя на руке.

– Кто тебе дал стекло?

– Ты сам.

– А, точно.

---

⁴ Хёрлинг – командный вид спорта кельтского происхождения. В хёрлинг играют деревянными клюшками и мячом.

Папа вернул мне стекло.

– Хороший мальчик. – Он прижал палец к кухонному столу и сказал: – Отпечаток видишь?

Я не очень понял, что он имел в виду.

– Ну, отпечаток пальца.

Я придвинул стул поближе и начал изучать место, где па прижал палец. Оба мы нависли над увеличительным стеклом. Я видел только красные и желтые крапинки на столешнице, которые были больше, чем обычно.

– Ну, видишь что-нибудь? – спросил опять папка.

– Не-а.

– Идем-ка.

Я пошел за ним в гостиную.

– Куда это вы? Ужин уже готов, – сказала ма.

– На секундочку, – ответил ей папка и положил руку мне на плечо.

Мы подошли к окну.

– Вставай сюда. Сейчас увидишь. – И он придвинул к окну кресло, чтобы я залез. – Вот.

Он поднял жалюзи, в шутку обратившись к ним:

– С дороги прочь! Пусть гусь увидит кролика!

Шнур па придержал, чтобы жалюзи случайно не упали, и прижал палец прямо к оконному стеклу.

– Смотри.

Отпечаток состоял из линий и завитков.

– Ну, давай ты, – сказал папа.

Я прижал подушечку пальца к стеклу. Па держал меня, чтобы я не свалился с кресла. Посмотрел.

– Ну что, одинаковые?

– Твой больше.

– А еще?

Я молчал, потому что не знал, что ответить.

– Отпечатки пальцев все разные, – объяснял па. – Одинаковых просто не существует. Ты знал об этом?

– Не-а.

– Ну, теперь знаешь.

Через несколько дней Наполеон Соло⁵ обнаружил у себя на портфеле чьи-то чужие отпечатки пальцев. Я посмотрел на папу.

– Я же говорил, – сказал он.

А вот с амбаром мы ничего не делали. Не поджигали мы амбар.

Амбар стоял заброшенный. Когда Корпорация выкупила ферму Доннелли, он приобрел новую ферму, где-то около Сордса. Забрал с собой все, кроме дома, амбара и амбарной вони. В сырые дни запах просто с ног валил. Дождь размочил свиной помет, который лежал там годами. Амбар был громадный и зеленый. Как было здорово, когда там хранилось сено. Пока не построили новые дома, мы лазали в амбар с задних дворов. Это было опасно. У Доннелли было ружье и одноглазый пес по кличке Сесил. А еще брат Доннелли, дядя Эдди, был сумасшедший. Он убирал за курами и свиньями, а развлекался так: набросает перед домом камушков, гальки, а машины или трактора едут и давят их, давят. Однажды дядя Эдди прогуливался перед нашим домом, когда мама красила калитку.

---

⁵ Наполеон Соло – шпион, герой телесериала «Агенты А. Н.К.Л.» (англ. The Man from U.N.C.L.E.).

– Вот же блаженный, – бормотала она про себя, я услышал.

Как-то ма заговорила о дяде Эдди во время обеда, и я тут же встрял:

– Он блаженный!

Па дал мне подзатыльник.

Дядя Эдди был хоть и не одноглазый, но все равно казался вылитый Сесил, потому что один его глаз всегда сощурен. Па утверждал, дескать, это потому, что глаз сквозняком надуло, когда дядя Эдди подглядывал в замочную скважину.

Если сделать глупое лицо или изображать заикание, а в эту минуту ветер переменится или кто-то хлопнет тебя по спине – все, останешься таким навсегда. Деклан Фэннинг – ему было четырнадцать, и родители собирались отправить его в интернат, потому что он курил, – страшно заикался. Это потому, что он передразнивал какого-то парня, который заикался, и тут его кто-то возьми да и хлопни по спине.

Заикаться дядя Эдди не заикался, но говорил только два слова. «Славно, славно».

Однажды мы ходили к мессе, а Доннелли стояли за нами, и отец Молони говорит:

– Можно садиться.

Мы стали подниматься с колен, а дядя Эдди говорит:

– Славно, славно.

Синдбад как рассмеется. Я посмотрел на папу, чтобы убедиться, что он не подумал на меня.

В амбаре можно было лазать по сему. Мы прыгали с одной копны на другую, и ни разу никто не ушибся, так здорово. Лиам с Эйданом говорили, что у брата их мамани, у дяди Мика, есть такой же амбар, ничуть не хуже амбара Доннелли.

– Где? – спросил я.

Они как будто не поняли.

– Где амбар-то?

– В деревне.

Мы видели мышей. Я-то не видел, только слышал, но все равно говорил, что видел. Кевин видел много мышей. Зато я видел раздавленную крысу со следами шин на спине. Мы пытались ее поджечь, но не вышло.

Однажды мы сидели под самой крышей, а тут зашел дядя Эдди. Он не знал, что мы внутри. Мы задержали дыхание. Дядя Эдди огляделся и вышел. Через открытую дверь падал солнечный свет. Это был тяжелая раздвижная дверь из гофрированного железа. Весь амбар был из гофрированного железа. Мы сидели так высоко, что доставали руками до крыши.

Вокруг амбара вырастали скелеты домов. Дорогу расширяли, и около побережья громоздились пирамиды труб. Дорога будет вести прямо в аэропорт. Кевинова сестрица Филомена однажды сказала, что амбар похож на отца всех домов, который за ними присматривает. Мы ответили, что ей, Филомене, пора в психушку сдать добровольно, но амбар и правда был похож на отца всех новых домов.

Из города примчались три пожарных бригады, но с огнем не справились. Вдоль дороги неслись потоки воды. Случилось все ночью. На следующее утро мы проснулись, пожар уже кончился, но мама не пустила нас посмотреть, и следила, чтобы мы не удрали. Я залез на яблоню, только мало высмотрел. Яблонька была хилая, яблоки росли на ней паршивые, а листьев зато пропасть.

Пошел слух, что неподалеку от амбара нашли коробок спичек. Мамке об этом рассказала миссис Паркер, которая жила в коттедже. А мистер Паркер работал трактористом у Доннелли. Каждую субботу он ходил с дядей Эдди в кино.

– Снимут теперь отпечатки пальцев, – сказал я маме.

– Ага, ага, снимут...

– Снимут отпечатки пальцев, – рассказывал я уже Синдбаду, – и если найдут на спичках твои отпечатки, придут, арестуют тебя и отправят в Артейн⁶.

Брат мне и верил, и не верил.

– Будешь там на треугольнике играть, – издевался я.

Глаза брата наполнились слезами; в эту минуту я его ненавидел.

Поговаривали, что дядя Эдди сгорел заживо. Миссис Бирн, что жила через два дома от нас, шепотом рассказывала об этом ма. Обе крестились.

– Наверное, там ему будет лучше, – все повторяла миссис Бирн.

– Да, да, конечно, – соглашалась мама.

До смерти хотелось сбегать к амбару, посмотреть обгорелого дядю Эдди, если, конечно, его еще не увезли. Мама устроила нам пикник в саду. Вернулся с работы папа – на работу он ездил на поезде. Ма сразу ушла из-за стола, чтобы поговорить с ним без наших любопытных ушей. Я знал, что она рассказывает про дядю Эдди.

– Серьезно, что ли? – переспросил па.

Мамка кивнула.

– Он сегодня нагнал меня по дороге к поезду, и ничего об этом не сказал. Только приговаривал: «Славно, славно».

Они задумались и вдруг разом покатались со смеху.

Ничего дядя Эдди не сгорел. Даже не обжегся.

Амбар облез, перекосялся и покорежился. Одной стены не хватало. Крыша покоробилась, как мятая жестянка, шаталась с противным скрипом. Большую дверь, сплошь почерневшую, прислонили к забору. Гарь со стен отваливалась слоями, а железо под ней было бурое, ржавое.

Все в один голос твердили, что амбар поджег кто-то из новых домов Корпорации. Где-то год спустя Кевин объявил, что это был он. Только Кевин врал. Когда амбар горел, он ездил в Кортаун на праздники. Я ничего не стал говорить Кевину.

В ясные дни мы видели рыжие хлопья в воздухе под крышей. Особенно если ветрено. Иногда я возвращался домой, а они были у меня в волосах. И земляной пол тоже стал красный. Амбар съедала ржавчина.

Синдбад дал честное слово.

Мамка откинула ему волосы со лба и расчесала пятерней. Она тоже чуть не плакала:

– Фрэнсис, я уже все перепробовала. Еще раз дай честное слово.

– Честное слово, – хныкал Синдбад, и ма принялась развязывать ему руки. Я тоже ревел.

Мамка привязала его за руки к стулу, потому что он обдирал корочки на губах. Визгу было! Лицо Синдбада налилось кровью, потом аж полиловело; он так зашелся в крике, что вдохнуть не мог. Губы его были в корочках и ранках из-за горячего из зажигалки. Две недели казалось, что у него вообще губ нет.

Мама поставила Синдбада на ноги и прижала руки к бокам.

– Ну-ка, покажи язык. – Она по языку умела определять, врет человек или не врет.

– Не врешь, Фрэнсис, молодец, Фрэнсис. Ни одного пятнышка.

Синдбада вообще-то звали Фрэнсис. Честный Фрэнсис спрятал язык. Ма отпустила его руки, но он сдвинулся с места. Я подошел к ним.

---

⁶ *Артейн* – ремесленная школа в пригороде Дублина, существовавшая с 1870 по 1969 г. Туда принимали только мальчиков по направлению от мировых судей за мелкие правонарушения, бродяжничество и т. п. В школе был сформирован оркестр, который играл перед большими спортивными матчами.

Бегом по волнорезу, прыжок и успевай кричи: «Путешествие на дно моря!⁷» Кто больше успеет выговорить, пока не плюхнулся в воду, тот выиграл. Победить в этой игре никак ни у кого не получалось. Один раз я дошел до «моря», но судил Кевин и сказал, что, мол, у Падди задница окунулась в воду, когда он еще «дно» не договорил. Я запустил в Кевина камнем, а Кевин запустил камнем в меня. Промахнулись оба.

Когда «Морское око» поглотила гигантская медуза, я спрятался под буфет, такая жуть напала. Сначала вроде бы не боялся, даже заткнул уши пальцами, когда папа сказал маме, что смех и грех, такого и не бывает вовсе. Но когда гигантская медуза сплошь облепила подводную лодку, я не стерпел и пополз под буфет. Лежал на пузе и даже плакать забыл со страху. Ма сказала, что медузы больше нет, но я не вылез, пока не началась реклама. Мама сама отнесла меня спать и даже посидела рядом немного. Синдбад уже уснул. Я вставал попить воды. Ма сказала, что не разрешит смотреть новую серию на следующей неделе, но забыла про запрет. Как бы то ни было, следующая серия оказалась вполне безобидной: о сумасшедшем ученом, который изобрел новую торпеду. Адмирал Нельсон боксерским приемом сразил сумасшедшего ученого, и тот влетел лбом в перископ.

– Вот это другое дело! – сказал папка, хотя передачу не смотрел, только слушал. Даже глаз от книжки не поднял. Мне это не понравилось, лишь бы ему подразнить. Ма вязала. Смотрел я один, Синдбаду не позволяли. Потом я рассказал брату, что серия была потрясающая, но почему – не сказал.

Я купался на побережье с Эдвардом Суэнвиком, который учился в другой школе – в центре Дублина. Школа называлась «Бельведер».

– Ну, это же Суэнвики, у них все должно быть самое лучшее, – пошутил папка, когда ма рассказала ему про миссис Суэнвик, что она вместо масла покупает маргарин.

Ма очень смеялась.

Эдварда Суэнвика в этом «Бельведере» заставляли носить форменную куртку и играть в регби. Он твердил, что ненавидит и форму, и регби. Учился бы в интернате – понятно бы было, чего страдает, а тут не так уж плохо, каждый вечер возвращается домой на поезде.

Мы брызгались друг на друга водой – долго-долго, аж самим надоело, уже и хохотать перестали. Наступал отлив, пора было собираться домой. Эдвард Суэнвик сложил руки ковшиком и пригнал ко мне волну. Там, в этой волне, оказалась медузища. Огромная прозрачная с розовыми прожилками и пульсирующей бордовой серединой. Я поднял руки кверху и стал от нее уплывать, она все равно обожгла мне бок. С диким воплем я ринулся из воды. Медуза коснулась моей спины; по крайней мере, мне так померещилось, и я опять заорал, не мог удержаться. Дно было каменистое, неровное, не то что на пляже. Я кое-как добрался до лестницы и вцепился в ограждение.

– Этот вид называется «португальский кораблик», – сказал Эдвард Суэнвик и, обойдя медузу большим кругом, поспешил к ступенькам.

Я поднялся на вторую ступеньку и стал исследовать ожоги, ведь ожоги от медуз не болят, пока в воде сидишь. Да, сбоку живота горела заметная розовая полоса. Я выкарабкался на берег.

– Ох ты у меня схлопочешь!

– Называется «португальский военный кораблик», – повторил тот. – Это не я, а португальский кораблик.

– Полюбуйся-ка, – и я показал ему ожог. Эдвард Суэнвик залез на волнорез и разглядывал медузу сквозь ограждение.

---

⁷ «Путешествие на дно моря» (англ. *Voyage to the Bottom of the Sea*) – американский научно-фантастический сериал 1964–1968 гг. Его темой были подводные приключения. Экипаж путешествовал на футуристической подводной лодке «Морское око», командир лодки – адмирал Гарриман Нельсон.

Я скинул плавки без лишней возни с полотенцем. Все равно никого не было. Медуза плавала кругами, похожая на зонтик из желе. Эдвард Суэнвик искал камни. Слез вниз по ступеням, подбирая там подходящую гальку, но в воду ни ногой. Весь мокрый, я с трудом натягивал футболку, прилипавшую к спине и плечам.

– Она ядовитая, – сказал Эдвард Суэнвик.

Натянув футболку, я задрал ее и стал рассматривать ожог. Кажется, начинает болеть. Я повесил плавки на перила. Эдвард Суэнвик кидался камнями в медузу.

– Давай прямо в нее.

Эдвард Суэнвик промахнулся, и я обругал его:

– Вот ты, мазила.

Я завернул плавки в полотенце – большущее, мягкое банное полотенце. Это полотенце мне брать не разрешалось.

Я бежал всю дорогу по Барритаун-роуд, мимо коттеджей, где обитали привидение и страшная вонючая старуха без зубов, мимо магазинов. За три дома до нашего я начал плакать. Пробежал через задний двор и в кухню.

Мама кормила ребеночка.

– Что случилось, Патрик? – И смотрит мне на ноги, ища порезы.

Я задрал футболку. И уже плакал по-настоящему. Хотелось, чтобы мама обняла, помазала мазью и сделала повязку.

– Медуза ужалила. То есть этот... португальский кораблик.

Мамка коснулась моего бока.

– Здесь?

– Ой! Нет, не здесь, вот, видишь. Ужасно ядовитый кораблик.

– Не вижу... Ох, вижу.

Я одернул футболку, заправил ее в штаны.

– И что ж теперь делать? – обратилась ко мне ма. – Хочешь, к соседям сбегать, вызову скорую помощь?

– Ой, не надо скорую помощь, давай лучше мазью...

– Мазью так мазью, мазью должно помочь. Дейрдре и Кейти докормлю, хорошо? Потерпишь?

– Ага.

– Хорошо.

Я прижал руку к боку и растер ожог, чтобы он как следует покраснел.

На побережье была насосная станция, а за ней – площадка с лестницами, ведущими к воде. Весной во время прилива вода заливала площадку полностью. Ступеньки были с двух сторон, но с другой стороны всегда было холоднее, а войти в воду труднее из-за крупных и острых камней. Волнорез, конечно, был не совсем волнорезом, а трубой, залитой цементом. Причем цемент получился какой-то неровный, с торчащими каменными осколками. По-настоящему не разбежишься. Все время надо следить, куда наступаешь. Вообще на берегу трудно было играть. Полно водорослей, ила и камней, заходить в воду надо осторожно. Нормально можно было разве что плавать.

А плавал я здорово.

Вот Синдбад только при маме решался в воду сунуться.

Кевин однажды нырял с волнореза и разбил голову. Его мама и сестра повезли его в такси на Джервис-стрит накладывать швы.

Некоторым из нас не разрешали лезть в воду. Порежешь, мол, ногу о камень, и пожалуйста – полиомиелит. Один парень с Барритаун-драйв, Шон Рикард, умер, и поговаривали, от того, что наглотался морской воды. А кто-то рассказывал, что Шон проглотил леденец, и тот застрял у него в горле.

– Он был один в спальне, – объяснял Эйдан, – некому было по спине похлопать.
– Чего ж он в кухню не спустился?
– Да он дышать не мог!
– А я запросто могу себя по спине похлопать, смотрите.
Мы смотрели, как Кевин хлопает себя по спине.
– Недостаточно сильно, – сказал Эйдан, и мы все принялись лупить себя по спине.
– Чушь. Не слушай их больше, – заявила мама и уже мягче добавила: – Лейкемия была у бедного мальчика.
– Как это лейкемия?
– Такая болезнь.
– От того, что воды наглотался?
– Нет.
– А от чего?
– Не от воды.
– От морской воды?
– Вообще не от воды.
Вода, вмешался мой папка, была на самом деле великолепная. Эксперты Корпорации изучили ее всесторонне и оценили на отлично.
– Вот так вот, – сказала ма.
Дедушка Финнеган, мамин папа, работал в Корпорации.

Мисс Уоткинс, учительница, которая была у нас до Хенно, однажды принесла чайное полотенце с Декларацией независимости. Была пятидесятая годовщина Пасхального восстания⁸. В центре текст, а вокруг портреты семерых лидеров восстания. Мисс Уоткинс повесила полотенце на доске, и мы по очереди подходили и рассматривали его. Кое-кто из мальчиков даже крестился перед ним.

– *Nach bhfuil sé go hálainn*⁹, мальчики? – приговаривала она.

– Tá¹⁰, – отвечали мы.

Я рассмотрел подписи. Томас Дж. Кларк – самая первая. Надо же, я же тоже Кларк!

Мисс Уоткинс, взяв bata, прочла Декларацию вслух, указывая на каждое слово:

– В этот великий час Ирландская нация должна отвагой и солидарностью, а также готовностью своих детей пожертвовать собой ради общего блага, доказать, что она достойна великого предназначения, что ей уготовано. Подписано от имени Временного правительства: Томас Дж. Кларк, Шон МакДермот, Томас МакДона, П. Г. Пирс, Имон Кент, Джеймс Коннолли, Джо-зеф Планкетт.

Мисс Уоткинс захлопала в ладоши, и мы тоже. Мы начали смеяться. Она зыркнула грозно, мы прекратили хохот, но хлопали дальше.

Я обернулся к Джеймсу О’Кифу:

– Томас Дж. Кларк – мой дед родной. Передай дальше.

Мисс Уоткинс постучала bata по доске:

– *Seasaíгі suas*¹¹.

Она заставила нас маршировать на месте рядом с партами.

---

⁸ Пасхальное восстание – неудачное вооруженное восстание, организованное в Ирландии во время пасхальной недели в 1916 г. Ирландские республиканцы планировали провозгласить независимую от Великобритании Ирландскую республику. Декларация независимости была принята в 1919 г., в начале Войны за независимость Ирландии (1919–1921 гг.).

⁹ Ну, разве не красота? (ирл.)

¹⁰ Да (ирл.).

¹¹ Встаньте (ирл.).

– Clé – deas – clé – deas – clé¹²...

И стены задрожали. Школа располагалась в бытовке. Еще несколько таких же бытовок стояло за школой. Под ними можно было даже проползти. Масляная краска на фасадах облупилась от солнца, и мы сдирали ее. В настоящей, бетонной, школе нам дали класс только через год, когда нас начал учить Хенно. Мы обожали маршировать. Половицы под нами аж подпрыгивали. Мы топали с огромной силой, хоть и вразброд. Мисс Уоткинс заставляла нас шагать пару раз в день, когда считала, что мы что-то заленились.

Так мы маршировали, а мисс Уоткинс читала Декларацию:

– Ирландцы и ирландки! Во имя Господа и ушедших поколений, от которых восприняла древнюю традицию государственности, Ирландия нашими голосами призывает детей своих сплотиться под ее знаменами и выйти на бой за свободу.

Марш разладился, мы шагали как попало, и мисс Уоткинс пришлось замолчать. Она постучала по доске:

– Suíge síos¹³.

Она выглядела разочарованной и раздраженной.

Кевин поднял руку.

– Мисс!

– Sea?¹⁴

– Мисс, а Падди Кларк говорит, что Томас Кларк, ему дедушка, мисс.

– Это он сейчас так сказал?

– Да, мисс.

– Патрик Кларк!

– Я, мисс.

– Встань, чтобы все тебя видели.

Целую вечность я неуклюже выкарабкивался из-за парты.

– Томас Кларк – твой дедушка?

Я заулыбался.

– Дедушка?

– Да, мисс.

– Вот этот человек?

Мисс Уоткинс указала на Томаса Кларка. Он и вправду был похож на дедушку.

– Да, мисс.

– А где он живет?

– В Клонтарфе, мисс.

– Где-где?

– В Клонтарфе, мисс.

– Иди сюда, Патрик Кларк.

За партами стояла гробовая тишина.

Учительница ткнула указкой в надпись под головой Томаса Кларка.

– Прочти вслух, Патрик Кларк.

– Рас-рас-расстрелян англичанами третьего мая 1916 года.

– Что означает «расстрелян», Дермот Граймс, который ковыряется в носу и считает, что учительница этого не замечает?

– Убили, надо понимать, мисс.

---

¹² Левой-правой, левой-правой, левой (*ирл.*).

¹³ Садитесь (*ирл.*).

¹⁴ Да? (*ирл.*)

– Совершенно верно. И может ли Томас Кларк, расстрелянный в 1916 году, жить в Клон-тарфе и быть твоим дедушкой, а, Патрик Кларк?

– Да, мисс.

Я прикинулся, что внимательно рассматриваю портрет.

– Еще раз спрашиваю, Патрик Кларк: это твой дедушка?!

– Нет, мисс.

Я получил три удара по каждой руке.

Вернувшись за парту, я не смог опустить сиденье. Руки не шевелились. Джеймс О'Киф помог мне, пнув мое сиденье. Оно громко стукнуло, и я испугался, что сейчас получу от мисс Уоткинс добавки. Спрятал ладони, сев на них. Я не скрючился от боли только потому, что мисс Уоткинс не разрешала. Болело так, будто кисти рук отвалились; скоро еще их начнет жечь. Ладони потели как ненормальные. В классе ни звука. Я посмотрел на Кевина и ухмыльнулся, но зубы у меня стучали. Лиам повернулся к Кевину, ждал его взгляда, его ухмылки.

Я любил дедушку Кларка больше, чем дедушку Финнегана. Бабушки Кларк уже не было в живых.

– Бабушка на небесах, – объяснял дедушка, – прекрасно проводит время.

Когда мы навещали дедушку Кларка или он заходил к нам, мы всегда получали по пол-кроны. Однажды он даже приехал на велосипеде.

Раз вечером, когда по телевизору шел «Магазин и рынок»¹⁵, я копался в ящиках комода. Нижний ящик был забит фотографиями, и стоило его открыть, как они падали на пол и рассыпались. Я собрал их в стопку. Сверху лежал портрет дедушки Кларка и бабушки Кларк. Сто лет мы не ездили к дедушке в гости.

– Пап?

– Что, сын?

– Когда мы поедem к дедушке Кларку?

Папка стал странный, как будто бы потерял что-то, потом нашел, а это оказалось совсем не нужно. Сел, взгляделся мне в лицо.

– Дедушка Кларк умер. Разве ты не помнишь?

– Нет.

Я и правда не помнил.

Папа взял меня на руки.

Руки у папы были большие, пальцы длинные, но не толстые: можно было легко нащупать косточки. Одна его рука лежала на спинке кресла, другой он держал книгу. Его ногти были чистыми. Только один грязный, а ведь у папы ногти длинней моих. На костяшках пальцев – морщины, рисунок их напоминал цемент, которым скрепляют кирпичи. Поры похожи на ямки, из каждой волосинка. Особенно густые темные волосы высывались из-под манжет рубашки.

«Нагие и мертвые»¹⁶ – так называлась книга. Но солдат на обложке был вполне живой и одетый в форму. Лицо его было грязным. Американский солдат.

– Про что книга?

Па посмотрел на обложку:

– Про войну.

– Хорошая?

– Хорошая. Очень хорошая.

Я кивнул на картинку с солдатом:

---

¹⁵ «Магазин и рынок» (англ. Mart and Market) – ирландская телевизионная программа про сельское хозяйство.

¹⁶ «Нагие и мертвые» (англ. The Naked and the Dead) – роман американского писателя Нормана Кингсли Мейлера, впервые опубликованный в 1948 г. Повествует о боевых действиях в ходе Филиппинской операции во Второй мировой войне.

- Про него?
- Ага.
- И какой он?
- Пока не дочитал. Потом расскажу.

«Третья мировая война у ворот».

Я покупал газету каждый будний день, чтобы папка, придя с работы, мог почитать. И в субботу тоже покупал. Деньги мне давала мама.

«Третья мировая война у ворот».

- У ворот – это значит вот-вот придет? – спросил я у мамы.
- Наверное, так. К чему ты спрашиваешь?
- Третья мировая война вот-вот придет, – объявил я. – Вот посмотри.

Ма прочла заголовок и отмахнулась:

- Ой, ну это ж газета. Журналисты вечно преувеличивают.
- А мы участвовать будем?
- Нет.

– А почему нет?

– Потому что войны не будет.

– А ты жила во Вторую мировую войну? – полюбопытствовал я.

– Жила, конечно.

Ма варила обед и напускала на себя вид «уйди-я-занята».

– И как оно?

– Не так уж и плохо, – пожала плечами ма. – Разочарую тебя, Патрик, но Ирландия вообще в войну не вступала¹⁷.

– А почему?

– Ну, это сложно. Не воевали мы, и все. Папа тебе объяснит.

Я дожидался папки возле задней двери.

– Вот смотри.

– «Третья мировая война у ворот», – прочел он вслух. – Во как, у ворот, значит. – Он даже не удивился. – Ружье-то почистил, Патрик?

– Ма говорит, войны не будет.

– Дело говорит.

– Почему?

Иногда ему нравились такие «почему», иногда совсем не нравились. Если нравились, он закидывал ногу на ногу, если сидел, конечно, и слегка наклонялся вперед. Вот и сейчас он наклонился ко мне. Сначала я даже не слышал папиных слов, – достаточно было, что скрестил, – а значит, получилось, как я хотел.

– ...между евреями и арабами.

Я разобрал только конец фразы.

– А почему?

– Ну, не в восторге они друг от друга, – сказал па. – Если вкратце. Все та же старая история.

– А зачем тогда в газете пишут про третью мировую?

– Во-первых, чтоб газеты продавались, – улыбнулся папа. – С таким заголовком расхватают, как горячие пирожки. И потом, американцы за евреев, а русские – за арабов.

---

¹⁷ Ирландия – единственная из стран-членов Британского содружества, не вступившая в антигитлеровскую коалицию. Во время войны страна придерживалась нейтралитета, вследствие национальной политики, направленной на повышение суверенитета, что ассоциировалось с неучастием в военных действиях на стороне британцев. Кроме того, армия страны была малочисленна и плохо вооружена.

- Евреи – это израильтяне.
- Да, всё так.
- А кто такие арабы?
- А арабы – это все остальные. В смысле, соседние страны: Иордания, Сирия...
- Египет.
- Молодец, разбираешься.
- Святое семейство скрывалось от царя Ирода в Египте.
- Верно. Плотник везде халтурку найдет.

Я не совсем понял, о чем это он, но наверняка мамке эта фраза пришлась бы не по душе.

Но ее с нами не было, и я рассмеялся.

- Евреи побеждают, – продолжал па. – Несмотря ни на что. Удачи им.
- Евреи, они ходят к мессе по субботам, – сообщил я папе.
- Ну да, в синагогу.
- И во Христа не верят.
- Ну да.
- А почему они не верят?
- Э-э...

Я подождал.

- Ну, люди в разное верят.

Хотелось узнать больше.

- Кто-то верит в Бога, кто-то нет.
- Коммунисты в Бога не верят.
- Точно, – удивился папа. – А кто тебе рассказал?
- Мистер Хеннесси.
- Молодец этот ваш мистер Хеннесси.

По его тону я догадался, что сейчас он прочтет какие-нибудь стихи. Иногда он так делал.

– «И вся толпа в молчании дивилась, сколь много в малой голове вместилось»¹⁸. Кто-то верит в то, что Иисус сын Божий, кто-то не верит.

- Ты-то веришь?
- Да, верю. А к чему ты спрашиваешь? Мистер Хеннесси поручил разузнать?
- Нет.

Лицо папани изменилось.

– Израильтяне – великий народ, – проговорил он. – Гитлер истреблял их и почти ведь истребил, а посмотри, как сейчас живут. Расстреливали их, жгли, газом травили. И все равно они победители. Иногда я думаю: не переехать ли в Израиль? Хочешь, Патрик, в Израиль?

- Не знаю, папка. Почему бы и нет?

Я знал, где расположен Израиль. На карте Израиль был похож на стрелу.

- Там жарница, – сказал я папке.
- Угу.
- А зимой все равно снег.
- Вот! Хорошее сочетание. Не то что здесь – вечный дождь.
- Они без ботинок ходят.
- Разве?
- В сандалиях.
- Как этот ваш... Как его?
- Теренс Лонг.
- Во-во, Теренс Лонг.

---

¹⁸ Цитата из хрестоматийного стихотворения ирландского поэта Оливера Голдсмита (1730–1774) «Покинутая деревня».

- Мы оба засмеялись.
- Теренс Лонг – дурачок,
  - Как китаец, без носок.
  - Бедняга Теренс, – сказал папа. – Ехал бы в Израиль, там сандалии в порядке вещей. В любом случае: вперед, израильтяне!
  - Вторая мировая – какая была? – спросил я.
  - Долгая, – ответил папка.
  - Даты я знал.
  - Когда началось, я был совсем ребенок. А к ее концу я уже школу заканчивал.
  - Шесть лет.
  - Вот именно. Шесть долгих лет.
  - Мистер Хеннеси рассказывал, что впервые в жизни бананы увидел, когда ему было восемнадцать.
  - И знаешь, я ему верю.
  - Люк Кэссиди жутко опозорился. Спросил его, что обезьяны ели во время войны.
  - И что мистер Хеннеси? – заинтересовался папа, отсмеявшись.
  - Ударил Люка.
  - Отец молчал.
  - Шесть ударов.
  - Сурово.
  - Хотя это даже не Люк придумал. Это Кевин Конрой его подучил.
  - Да-а, оказал товарищу услугу.
  - Люк аж плакал.
  - И все из-за бананов.
  - Кевинов брат поступил в РАП¹⁹.
  - Серьезно? Научат его там спину держать.
  - Я не понял, что папка имел в виду. Тот вроде и не сутулился.
  - А ты там был?
  - Где, в резерве?
  - Ага.
  - Нет.
  - Во время...
  - Отец мой служил в ВМО.
  - А что значит?
  - Войска местного ополчения.
  - А ружье у него было?
  - Думаю, да. Но домой он его, кажется, не приносил.
  - Вот вырасту и тоже запишусь. Можно?
  - В РАП?
  - Ага. Можно?
  - Конечно.
  - А Ирландия воевала?
  - Нет.
  - А как же битва при Клонтарфе?²⁰

---

¹⁹ Резервное армейское подразделение.

²⁰ *Битва при Клонтарфе* (23 апреля 1014 г.) – самое кровавое сражение ирландского Средневековья. Битва между силами Верховного короля Ирландии Бриана Бору и силами короля Лейнстера Маэла Морды МакМурхады при поддержке викингов. Силы викингов были разбиты, но Бриан Бору был убит северянами, которые спасались бегством с поля боя и наткнулись на королевский шатер. Ирландия вернулась к раздробленности.

Я терпеливо ждал, пока папа отсмеется.

– Какая же это война?

– А что тогда?

– Битва.

– А чем они отличаются?

– Ну, как бы тебе объяснить? Войны – они долгие.

– А битвы – короткие.

– Да.

– А зачем Бриан Бору сидел в шатре?

– Богу молился.

– А зачем в шатре? Ты же не молишься в шатре.

– Что-то я голодный, – сказал вдруг папа, – а ты?

– И я.

– Что на обед сегодня?

– Рубленое мясо.

– Отлично.

– Как убивает газ?

– Травит.

– Как это?

– Его нельзя вдыхать, легкие не справляются. А что?

– Насчет евреев, – напомнил я.

– А, точно.

– Если Ирландия вступит в войну, ты пойдешь в армию?

– Да не будет никакой войны.

– А вдруг!

– Нет, никаких вдруг.

– Третья мировая война у ворот, – протянул я.

– Не бери в голову.

– Так пойдешь?!

– Пойду.

– Ну, тогда и я пойду.

– Молодчина. И Фрэнсис пойдет.

– Мелкий еще, – отмахнулся я, – не разрешат ему.

– Да ты не бойсь, войны не будет.

– Я и не боюсь.

– Молодец.

– Пап! Но мы же воевали с англичанами? Правда?

– Правда.

– И это была война.

– Ну, не совсем...

Я уверен, что это была настоящая война.

– И мы победили.

– Победили. Поубивали их. Поколотили так, что век не забудут.

Мы оба засмеялись.

Обед удался, рубленое мясо было не слишком склизким. Я сел на Синдбадово место рядом с папой, и Синдбад не возникал.

– Не Адайдас, надо говорить, а А-ди-дас.

– Нет. Адайдас.

- Адидас. И! Через «и»!
- Нет, ай.
- И-и-и!
- Ай!
- Кретин такой. И-и-и.
- Ай, ай, ай, ай, ай, ай, ай.

Бутсов «Адидас» ни у того, ни у кого из нас не было. Мы все хотели их в подарок на Рождество. Я хотел те, что со сменными шипами. Написал про них в письме Санта-Клаусу, в которого нисколько не верил. Но писать все равно пришлось – ради Синдбада и потому, что мамка велела. Синдбад хотел санки. Ма помогала ему писать письмо. Я свое уже давно дописал и в конверт положил. Но мама не позволяла облизать и заклеить конверт – письмо Синдбада надо было вложить. Это было несправедливо. Я хотел свой собственный конверт.

- Не ной, – сказала мама.
- Я не ною.
- Нет, ноешь, перестань.

Я не ныл. Но класть два письма в один конверт было глупо. Санта подумает, что там одно письмо, и Синдбаду подарок принесет, а мне нет. Я все равно в него не верил, только детишки верят. Еще раз скажет, что я хнычу, – расскажу Синдбаду, что не бывает никакого Санта-Клауса. И тогда ей весь день придется потратить, чтобы мелкий опять в него уверовал.

- Вряд ли Санта-Клаус саночки в Ирландию повезет, – сказала она Синдбаду.
- А почему?
- У нас почти никогда не бывает снега, – вздохнула мамка, – не покатаешься.
- Зимой же снег.
- Изредка.
- А в горах?
- Ну, горы – это ехать и ехать.
- Можно на машине...

Терпение у ма не кончалось. Я устал слушать и пошел на кухню. Если подержать почтовый конверт над паром, например над кипящим чайником, можно распечатать его и опять запечатать, да так, что никто об этом не узнает. Чтобы включить чайник, пришлось встать на стул. Я проверил, что вода в нем выше нагревательного элемента: не просто взвесил на руке, а заглянул под крышку. Я слез со стула и поставил его на место, чтобы не мешался.

Когда я вернулся в гостиную, Синдбад по-прежнему нудел про санки.

– Он же обязан приносить, что попросят...

– Конечно, милый, но он не хочет тебя разочаровывать. Санта-Клаус любит дарить подарки, с которыми дети смогут играть все время.

У нее даже голос не изменился, она явно не собиралась ругаться.

Я ушел на кухню, вынул письмо из конверта, положил его на стол – подальше от белого круга, оставленного молочной бутылкой. Я лизнул клейкую полоску, приклеил и сильно прижал. Пар тянулся из носика чайника тонкой струйкой. Я ждал, чтобы клей подсох. Пара стала больше – чайник закипел и засвистел. Я поднес конверт к струе пара, но так, чтобы не ошпарить пальцы. Слишком близко, конверт намок. Я поднял руку повыше. Ненадолго. Конверт как-то поник, словно уснул. Я опять приставил стул, выдернул вилку из розетки и вернул ее на прежнее место – около банки с чаем. На банке сплетались хвостами и клювами японские птицы. Конверт слегка отсырел. Я вышел на задний двор. Поддел край клапана ногтем, уголок немного приподнялся и я распечатал конверт. Потрогал пальцем клейкую полоску – все еще липкая. Сработало. Уже темнело, да еще было холодно и поднялся холодный ветер, так что я вернулся в дом. Я положил свое письмо в конверт.

Синдбад заканчивал свое послание Санта-Клаусу.

– Л-Е-Г-О, – диктовала мама по буквам.

Прописными брат писал плохо. Мама разрешила мне самому положить его письмо в конверт. Я свернул его листок отдельно и положил позади моего.

Вернувшись с работы, папка первым делом засунул письмо в трубу. Он специально присел у камина так, чтобы мы не видели, с кем он разговаривает.

– Санта, ты получил письмо? – прокричал папка в трубу и сам себе ответил глубоким басом, изображая Санта-Клауса: – Получи-ил.

Я покосился на Синдбада. Похоже, он и вправду верил, что это Санта откликается. Он обернулся к маме. Я-то не верил.

– Как подарки, справишься? – кричал папа в трубу.

– Посмо-отрим, – завывал бас. – В основном справляюсь. А сейчас до свиданья. Мне еще столько домов обойти. До свиданья.

– Скажите Санта-Клаусу до свиданья, мальчики, – подыграла мама.

Синдбад заорал: «До свиданья!» И мне тоже пришлось. Па вылез из камина, чтобы нас было слышно как следует.

* * *

Моя грелка с горячей водой была красная, цветов «Манчестер Юнайтед»²¹. У Синдбада была зеленая. Мне нравился запах грелки. Я наливал в нее горячей воды, потом выливал и нюхал. Совал нос прямо в горлышко грелки. Ух, здорово! Надо не просто наливать воду – мама показала, – а класть на бок и медленно аккуратно наполнять грелку, а то воздух попадет и резина испортится и прорвется. Я попрыгал на грелке Синдбада. Ничего не случилось, но больше я так не делал. Иногда, если ничего не случается, значит, вот-вот случится.

Дом Лиамы с Эйданом был куда темнее нашего. Из-за того, что мало солнца, а не из-за того, что там было неряшливо. Неряшливо не в смысле, что грязно, а просто все стулья там разваливались на части. Здорово было драться на диване, потому что он был весь продавленный, и никто на нем драться не запрещал. Мы вскарабкивались на спинку и прыгали на нем. А усевшись на спинку вдвоем, можно было устроить поединок над пропастью.

Мне их дом нравился. Играть там было прекрасно. Все двери нараспашку, всюду ходить можно. Однажды мы играли в прятки, и тут мистер О'Коннелл вошел в кухню, открыл шкаф, который у плиты, а там я. Так он, слова не сказав, достал пакет с печеньем и аккуратно прикрыл дверь. Потом снова открыл и спросил шепотом, не хочу ли я печеньку.

В том шкафу стоял коричневый пакет с поломанным печеньем. Хорошие печенье, только поломанные. Наша мамка никогда такие не покупала.

У некоторых мальчиков из школы мамы работали на фабрике «Кэдбери»²². Наша не работала, и Кевина не работала, а Лиамы с Эйданом вовсе умерла. А вот Иэна Макэвой мамка работала на фабрике, но не весь год, только перед Пасхой и Рождеством. Иногда у Иэны Макэвой было на обед шоколадное пасхальное яйцо. Шоколад был отличный, но само яйцо – кривобокое. Мамка сказала однажды, что миссис Макэвой работает на фабрике «Кэдбери» потому, что по-другому Макэвоям никак.

Я не понял.

– У твоего папы работа лучше, чем у папы Иэны, – сказала ма шепотом и прибавила: – Только Иэну этого не говори.

Макэвои жили на нашей улице.

---

²¹ «Манчестер Юнайтед» (англ. Manchester United) – английский профессиональный футбольный клуб, основанный в 1878 г. Один из самых успешных английских клубов по количеству выигранных титулов.

²² «Кэдбери» (англ. Cadbury) – британская компания, один из мировых лидеров по производству кондитерских изделий.

– А у моего папки работа лучше, чем у твоего!

– А вот нет!

– Да!

– Нет!

– Да!

– Чем докажешь?

– Твоя мамка работает на «Кэдбери», потому что по-другому никак!

Иэн Макэвой не понял, что это означает. Я тоже, по правде говоря, не знал, но повторял:

– Никак по-другому! По-другому никак!

В общем, я толкнул его, он толкнул меня. Я одной рукой вцепился в занавеску, а другой двинул его со всей силы. Иэн Макэвой соскользнул со спинки дивана и грохнулся. Победа была за мной.

– Чемпион! Чемпион! Чемпион!

Особенно мне нравилось сидеть на продавленной части дивана, подальше от пружин, четко видимых под обивкой. Обивка была потрясающая; точно узор оставили как есть, а остальной ворс хорошенько подстригли маленькой газонокосилкой. Цветочный узор на ощупь напоминал жесткую траву или мой собственный свежестриженный затылок. Ткань совсем выцвела, только при включенном счете можно было заметить, что когда-то она была яркой и проявлялись контуры цветочков. На диване мы все вместе смотрели телевизор, растягивались во весь рост или устраивали славную драку. Мистер О'Коннелл никогда не выгонял нас из комнаты и не требовал тишины.

Кухонный стол у О'Коннеллов ничем от нашего не отличался, зато все прочее было другим. У них стулья все разные, а у нас одинаковые – деревянные с красной обивкой. Однажды я забежал за Лиамом, а они пили чай. Стучусь в дверь кухни, мистер О'Коннелл крикнул, чтобы я входил. Его место за столом оказалось там, где в нашем доме сидели мы с Синдбадом, а не во главе стола, как садился наш папка. Во главе стола было место Эйдана. Мистер О'Коннелл встал, поставил чайник и сел на место, где обычно сидела наша мамка.

Мне это не понравилось.

Он, мистер О'Коннелл, готовил завтраки, обеды и все остальное. Каждый обед в школе Лиам с Эйdanом ели чипсы, а у меня вечно были бутерброды, которые я почти никогда не ел, а складывал в парту. С бананами, с ветчиной, с сыром, с вареньем. Иногда съедал один, но большей частью засовывал в парту. Я понял, что парта переполнилась, когда чернильница начала подпрыгивать из-за всех засунутых внутрь бутербродов. Я все ждал, когда Хенно выйдет из класса – рано или поздно он выходил со словами, что, дескать, знает, чем мы заняты, стоит ему отвернуться, и чтобы вели себя спокойно. Мы вроде как верили его словам. Я взял мусорку из-под учительского стола и принес к своему месту. Потом выгрузил из парты пакеты. Одноклассники тарасились. Некоторые бутерброды были завернуты в фольгу. Но самые потрясающие были в пакетах или контейнерах, особенно те, что лежали поглубже. Сплошь поросли чем-то: зеленым, голубым и желтым. Кевин предложил Джеймсу О'Кифу съесть один, но тот отказался.

– Трус. Цыплак.

– Ешь, ешь.

– Давай ты первый.

– Я съем, только если ты съешь.

– Цыплак.

Я смял фольгу, и хлеб горой вылез с одного конца сквозь фольгу. Как в кино, всем сразу стало интересно. Дермот Келли аж свалился с парты, стукнувшись головой об сиденье. Я оттащил корзину обратно под стол Хенно, чтобы он не ругался.

Соломенная корзина для мусора была доверху набита старыми бутербродами. И запах расплзался по классу все сильнее, а ведь только одиннадцать: еще три часа до конца уроков.

Обеды мистер О'Коннелл готовил потрясающие! Жареная картошка с бургерами! Не готовил, конечно, а просто домой привозил. Прямо из города, на поезде, потому что в Барритауне закусочной еще не было.

– Вот же блаженный, – сказала мамка, когда отец рассказал ей, как от О'Коннелла разит в поезде картошкой и уксусом.

Еще мистер О'Коннелл готовил картофельное пюре. Навалит в тарелку целую гору картошки, проковыряет углубление, в серединку кусок масла, и перемешивает. И так с каждой порцией. Делал им бутерброды с беконом. Или поставит на стол рисовый пудинг из магазина и разрешает есть прямо из консервной банки. Салат они никогда не ели.

Синдбад не ел ничего. Только хлеб с джемом. Мама заставляла его есть, грозила, что не выпустит его из-за стола, пока не доест. У папки как-то терпение лопнуло, и он на Синдбада наорал.

– Не кричи на него, Падди, – шептала мамка отцу, чтобы мы не слышали.

– Да он меня провоцирует.

– Только хуже сделаешь, – сказала ма уже громче.

– Избаловала ты его, вот в чем проблема. – И папка встал из-за стола. – Так. Я пошел читать газету. Когда вернусь, чтоб тарелка была пустая, а не то...

Синдбад скрючился на стуле и пялился в тарелку, точно надеясь, что еда исчезнет.

Мама ушла за отцом – закончить разговор. Я помог Синдбаду все съесть. У него самого еда валилась изо рта на тарелку и на стол.

В общем, мелкий просидел над ужином час или около того, пока папка не пришел с проверкой. Тарелка была пустая: что-то во мне, что-то в помойном ведре.

– Так-то лучше, – сказал па, и Синдбад пошел спать.

Такой уж он был, папка наш. Злился время от времени, и безо всякой особенной причины. Допустим, запрещал нам смотреть телевизор, а через минуту сидел с нами на полу, досматривая фильм. Правда, обычно недолго. Он вечно был занят. То есть он так говорил. Но в основном сидел в своем кресле.

По воскресеньям, перед тем как идти к мессе, я прибирал весь дом. Мамка выдавала мне тряпку – чаще всего лоскут старой пижамы. Начинал я с самого верху – с родительской спальни. Натирал мамин туалетный столик, раскладывал красиво гребни. Потом вытирал подголовник кровати, где всегда было полно пыли, так что вся тряпка в ней. Картинку с Иисусом, раскрывающим в груди Святое свое Сердце – протирали докуда доставал. Иисус наклонил голову набок, точно котенок. На картине были имена папы с мамой и дата их свадьбы: двадцать пятое июля тысяча девятьсот пятьдесят седьмого года. И дни рождения всех нас, кроме младшей сестренки, которая только-только родилась. Имена были записаны отцом Молони. Мое имя стояло первым: Патрик Джозеф. Потом умершая сестренка: Анжела Мэри; она умерла, даже не выбравшись из мамки. Третьим Синдбад – Фрэнсис Дэвид. Потом сестренка Кэтрин Анжела. Для младшей, Дейрдре, оставили свободное место. Я был старший, поэтому меня назвали в честь папы. Места там еще на шесть имен. Я протирал лестницу сверху донизу и перила тоже. Начищал все украшения в гостиной. И ни разу ничего не разбил. Там же стояла старинная музыкальная шкатулка с нарисованными матросами, изнутри оклеенная истертым войлоком. Повернешь ключик, и шкатулка играет песенку. Шкатулка была мамина.

На кухне я не убирался.

* * *

Тетка Лиамы и Эйдана, та, что из Рахени, приезжала к ним убираться. Иногда они оставались у нее. У нее было трое детей, много старше Лиамы с Эйdanом, а муж работал газонокосильщиком в Корпорации. Дважды в год он приводил в порядок газоны на нашей улице. Нос у него был огромный и багровый, похожий на губку, и весь в буграх. Лиам уверял, что вблизи этот нос выглядел еще лучше.

– А ты свою маму помнишь? – спросил я Лиаму.

– Ага.

– Что «ага»?

Лиам не ответил, вздохнул только.

Тетка у них была хорошая. Ходила вперевалочку. Говорила «боже, ну и жарница» или «боже, ну и мороз», смотря что там было с погодой. Бродя по кухне все повторяла: «чай, чай, чай». Или, заслышав «Ангела Господнего»²³, шла к телевизору, все повторяя: «новости, новости, новости». Толстые вены у тетки на ногах сплетались, как корни деревьев. Она пекла огромные роскошные печенья, которые оставались вкусными, даже когда были черствые.

Еще у них была другая тетя, которая оказалась вовсе и не тетя. Во всяком случае так сказал Кевин, который подслушал разговор своих папки с мамкой. Это была девушка мистера О'Коннелла. Хотя и не девушка давно уже, а женщина средних лет. Звали ее Маргарет. Эйdanу она нравилась, а Лиаму нет. Заходя в гости, она всегда угощала братьев пакетиком карамели и строго следила, чтобы они поделили белые и розовые конфетки поровну, хотя по вкусу они были одинаковые. Маргарет готовила ирландское рагу и яблочный крамбл²⁴. Лиам рассказывал, что однажды, когда все они вместе смотрели по телевизору «Беглеца»²⁵, Маргарет пукнула.

– Леди не пукают.

– Еще как пукают.

– Чем докажешь?

– Моя бабка вечно пердит, – сообщил Иэн Макэвой.

– Старушки пукают, а молодые – нет.

– Маргарет – старая, – заявил Лиам.

– Полезны черные бобы – от них пердеж, как звук трубы!

Однажды Маргарет заснула перед телевизором. Лиам подумал, что она вот-вот придавит его, но нет – лишь привалилась и захрапела. Мистер О'Коннелл зажал Маргарет нос; она хрюкнула и перестала храпеть.

Во время каникул, сразу после Рождества, Лиам с Эйdanом уехали в Рахени к тете, которая настоящая тетя. И мы сто лет с ними не виделись. Это потому, что Маргарет переехала к мистеру О'Коннеллу. У них в доме одна спальня пустовала. Дом их был такой же, как наш. Лиам с Эйdanом делили одну спальню на двоих, а сестер у них не было, вот одна спальня и пустовала. Теперь Маргарет там жила.

– Вот ничего подобного, – заявил Кевин.

Настоящая тетя забрала Лиаму с Эйdanом к себе. Приехала посреди ночи с письмом из полиции, в котором говорилось, что она может забрать их, потому что в доме Маргарет, а она не должна там жить. Это все мы знали. Я присочинил, что тетя посадила Лиаму с Эйdanом в кузов

---

²³ «Ангел Господень» (лат. Angelus) – ирландская радио- и телепередача, выходившая в эфир ежедневно в 18.00 непосредственно перед новостями. Под колокольный звон «Ангел Господень» показывали кадры из жизни людей. Подразумевалось, что зрители будут молиться.

²⁴ Крамбл – классический английский десерт из печеных яблок, покрытых овсяными хлопьями и коричневым сахаром.

²⁵ «Беглец» (англ. The Fugitive) – американский криминальный телесериал, транслировавшийся с 1963 по 1967 г.

грузовика Корпорации и увезла. Здорово потом было услышать свою придумку от других. Хотя остальной истории я полностью верил.

Их дядя раз прокатил нас в кузове грузовика. Но потом заметил, что мы едем стоя, и высадил нас, сказав, что это опасно. Рисковать он не хотел – вдруг один из нас упадет и ударится головой об асфальт.

Пришлось идти до Рахени пешком. Времени это заняло много, потому что по пути мы наткнулись на сарай с фонарными столбами, который почему-то остался без присмотра. Мы в него забрались и устроили потасовку. Внутри его громоздились, как поленница, столбы и пахло битумом. А еще мы пытались сломать замок на сарае, только не получилось. Ну, мы не всерьез ломали, так, для смеху, я и Кевин. А потом пошли искать тетку Лиамы с Эйданом.

Наконец добрались. Она жила в коттедже рядом с полицейским участком.

– Скажите, пожалуйста, – вежливо обратился я к тете, – а Лиамы с Эйданом можно?

Она открыла дверь:

– Так они на улице. На пруд пошли, уткам прорубь прорубить.

Пошли мы на этот пруд, в парк Святой Анны. Лиам с Эйданом оказались не у пруда, а на дереве. Лиам забрался высоко, на гибкие ветки, и отчаянно тряс дерево. Эйдану туда было не залезть.

– Эй! – заорал Кевин.

Лиам продолжал трясти дерево.

– Эй!

Лиам остановился. Они к нам не спустились. А мы наверх не полезли.

– Почему вы с тетей живете, а не с папаней? – спросил Кевин.

Они ничего не отвечали.

– Так почему?

Мы пошли через поле для гэльского футбола²⁶. Я обернулся и еле разглядел Лиаму с Эйданом на дереве. Они ждали, пока мы уйдем. Я поискал камней, но не нашел.

– Мы знаем, почему!

Я тоже кричал:

– Мы знаем, почему!

Хотя даже не догадывался.

– Мы знаем, почему!

– Брендан, Брендан, глянь сюда!

Тут под юбкой – для тебя!

Мистера О’Коннелла звали Брендан.

– Брендан, Брендан, глянь сюда!

Тут под юбкой – для тебя!

– Кстати, – сказал папа маме, – что-то давно мистер О’Коннелл на луну не воет.

Маргарет шла из магазина. Мы караулили за забором в саду Кевина. Услышали ее шаги у узнали цвет пальто.

– Брендан, Брендан, глянь сюда!

Тут под юбкой – для тебя!

Брендан, Брендан, глянь сюда!

Тут под юбкой – для тебя!

Хотелось воды, но не из умывального крана, а с кухни. После ночника, который в спальне, на лестничной площадке было темно. Я нащупал ногой лестницу.

---

²⁶ Гэльский футбол – ирландский национальный командный вид спорта с мячом. Ворота в нем на двух уровнях, мяч можно перемещать руками и ногами.

Я спустился на три ступеньки, и тут услышал их. Какие-то люди разговаривали, кричали даже. Я остановился. Было очень холодно.

На кухне, вот они где. Воры. Надо позвать папку, он должно быть в спальне.

Но телевизор работал.

Я присел ненадолго. Замерз, встал.

Телевизор работает; значит, мамка с папкой еще не легли. Они внизу. А значит, нет на кухне никаких воров.

Кухонная дверь была не заперта, свет оттуда падал на ступеньки прямо мне под ноги. Никак не получалось разобрать, что они говорят.

– Перестаньте, – только и смог прошептать я.

Сначала я подумал, что один папка кричит. Шепотом кричит, старается не кричать, но иногда забывает.

Зубы застучали. Мне даже нравилось стучать зубами.

Но ма тоже кричала. Папкин крик я чуял нутром, а мамин – слышал ушами. Опять они ссорились.

– А что же ты?!

Только эту мамину фразу я расслышал четко.

Я снова шепнул:

– Перестаньте.

Затихли. Сработало! Я заставил их остановиться. Папка вышел, уселся к телевизору. Я узнал тяжесть его шагов, паузы между ними, а увидел его только потом.

Дверьми они уж не хлопали.

Целую вечность я сидел на лестнице, слушая, как ма возится на кухне.

У здорового пони шкура мягкая и гладкая, а у больного – жесткая. Телевидение изобрел шотландец Джон Лоуги Бэрд в 1926 году. Ученые называют дождевые облака нимбостратусами. Столица Сан-Марино – Сан-Марино. Джесси Оуэнс завоевал четыре золотых медали на Олимпийских играх 1936 года в Берлине. Гитлер ненавидел чернокожих, а Джесси Оуэнс был чернокожий. Берлин – столица Германии. Обо всем этом я прочитал. Я читал под одеялом с фонариком, притом всегда, а не только ночью: так было интереснее, будто бы я шпион и прячусь, чтоб не поймали.

Я сделал домашку шрифтом Брайля. Это оказалось трудно: не порвать страницу иголкой, а лишь наметить пупырышки. Когда закончил, весь кухонный стол оказался в точечку. Потом показал домашку папе.

– Это еще что?

– Шрифт Брайля. Письменность слепых людей.

Отец закрыл глаза, пощупал страницу.

– И что тут написано?

– Домашка. По английскому. Сочинение «Мой питомец». Пятнадцать строк.

– Учитель что, слепой?

– Да нет. Это я просто так. Нормально я тоже написал.

Хенно убил бы меня, если бы я принес в класс только версию для слепых.

– Так у тебя же нет домашнего животного.

– Разрешили выдумать.

– Кого ж ты выбрал?

– Собаку.

Папка посмотрел страницу на просвет. Я тоже так делал.

– Молодец, – сказал он и вновь пощупал пупырышки с закрытыми глазами. – Но разницы не ощущаю. А ты?

- И я.
- Надо понимать, когда зрение пропадает, остальные чувства как-то обостряются.
- Ага. Этот шрифт изобрел Луи Брайль в 1836 году.
- Точно?
- Точно. Он ослеп в детстве в результате несчастного случая. Он был из Франции.
- И назвал шрифт в собственную честь?
- Ага.

Я пытался. Пытался читать пальцами. Уже зная, что написано, я нырял под одеяло без фонарика. Касался страницы – только пупырышки. Мой любимый питомец – собака. Так начиналось сочинение. Но читать по Брайлю не получалось – пальцы не различали, где начинается и где кончается каждая буква.

Я пытался быть слепым, но продолжал открывать глаза. Хотел завязать их платком, но у самого не получалось. А просить помощи и объяснять, чем я занят, не хотелось. Тогда я поклялся себе, что каждый раз, как открою глаза, буду прижимать палец к решетке обогревателя, но знал, что не стану, конечно, и продолжал подглядывать. Однажды Кевин убедил меня прижать палец к обогревателю. Ожог не сходил несколько недель, и все казалось, что от пальца пахнет паленым.

Средняя продолжительность жизни мыши – восемнадцать месяцев.

Ма завизжала.

Я шевельнуться не мог, не то что пойти посмотреть.

Ма зашла в туалет, а там в унитазе мышь бегают. Папка был дома. Он спустил воду, но поток не смыл мышь, потому что та была у самого ободка. Папка сунул ногу в унитаз и спихнул мышь в воду. Тут уж и я захотел посмотреть, чего мамка так визжит. Но в туалете было слишком тесно. Мышь плыла и пыталась забраться на бортик, а папка все ждал, пока наполнится бачок.

– Ох, Иисус. Она умрет, Падди?

Папка молчал. Считал секунды, пока вода не перестала шуметь в бачке.

– Средняя продолжительность жизни мыши – восемнадцать месяцев, – сказал я. Совсем недавно читал об этом.

– Только не в моем доме! – заявил папка.

Ма чуть не расхохоталась, и погладила меня по голове.

– А можно мне посмотреть?

Ма преградила мне дорогу.

– Пускай посмотрит, – разрешил папка.

Мышь плавала хорошо, но не хотела плавать, а хотела выбраться из воды.

– Пока-пока! – воскликнул папка и вновь спустил воду.

– Можно оставим мышонка? – спросил вдруг я.

Эта мысль пришла мне в голову неожиданно. «Мой питомец».

Тем временем мышь засасывало все глубже, и вот затянуло в трубу. Синдбад лез посмотреть.

– Выплывет на побережье, – сказал я.

Синдбад не сводил глаз с воды.

– Там ему будет лучше, – подтвердила ма. – Это его естественная среда обитания.

– А можно мне мышку? – опять спросил я.

– Нет, – отрезал папка.

– А на день рожденья?

– Нет.

– А на Рождество?

– Нет.
– Мышь напугает оленей Санты, – сказала мамка. – Выходите отсюда.
Она пыталась выставить нас из туалета, а мы ждали, когда мышонок выплывет.
– Вы о чем? – переспросил папка.
– Мышей, – повторила ма и кивнула на Синдбада. – Олени испугаются мышей.
– Это правда, – кивнул па.
– Ну, пойдете, мальчики.
– Я в туалет хочу, – решил Синдбад.
– А мышь тебя укусит за попу, – сказал я.
– А мне по-маленькому! Я по-маленькому умею стоя.
– А мышь тебя за пиписку.
Мама с отцом уже спускались по лестнице.
Синдбад стоял слишком далеко и обмочил сиденье и пол.
– А Фрэнсис сиденье не поднял! – крикнул я.
– Поднял! – Синдбад грохотнул сиденьем об бачок.
– Только сейчас!
Родители не поднялись к нам. Синдбад вытер сиденье рукавом. Я дал ему пенделя.

– Если Земля вращается, почему не вращаемся мы? – спросил Кевин.

Мы лежали в высокой траве на сплюснутых коробках и смотрели в небо. Трава оказалась сырая-пресырая. Я знал ответ, но промолчал. Знал ответ и Кевин, потому и спрашивал. Это было понятно по голосу. Я никогда не отвечал на вопросы Кевина. И вообще никогда не спешил с ответом, и в школе всегда давал ему возможность ответить первым.

Самая лучшая из прочитанных мною историй была об отце Дамиане и прокаженных. До того, как стать священником, Дамиана звали Йозеф де Вёстер. Родился он в 1840 году в местечке Тремелоо, в Бельгии.

Мне были нужны прокаженные.

Когда отец Дамиан был маленький, его звали Йеф, и он был толстый. Взрослые пили темное фламандское пиво. Йозеф хотел стать священником, а отец ему не позволял. Но он все равно им стал.

– Сколько платят священникам? – спросил я.

– Слишком много, – ответил папка.

– Тихо ты, Падди, – шикнула на него ма. – Им вовсе не платят, – обратилась она ко мне.

– А почему?

– Трудно объяснить... – начала мамка. – Ну, это слишком сложно... У них призвание.

– Как это?

Йозеф де Вёстер вступил в конгрегацию²⁷ Святых Сердец Иисуса и Марии. У священника, который основал конгрегацию, была жизнь полная удивительных спасений и захватывающих приключений во время французской революции. Ему грозила гильотина. Когда настала пора взять новое имя, Йозеф назвался Дамианом в честь мученика первых веков христианства. Сначала он был брат Дамиан, а потом стал отец Дамиан. Он поплыл на Гавайи. Капитан решил пошутить, натянул поперек линзы телескопа волосок и дал отцу Дамиану посмотреть. И сказал, что это экватор. Отец Дамиан поверил, но не потому, что был идиотом, а потому что в то время про экватор мало кто понимал. На корабле отец Дамиан сам пек причастные облатки из муки, когда на корабле они кончились. А еще он не страдал морской болезнью, сразу стал как настоящий моряк.

---

²⁷ Конгрегация – в католицизме объединение монастырей, следующих одному уставу.

Лучше всего облатки получаются из круглых булочек, особенно из свежих. Тогда размачивать не надо. Неплох и батон, а вот простой хлеб не годится – расползается. Особенно трудно нарезать облатки, чтобы были совершенно круглые и ровные. Я для этого взял пенни из маминного кошелька. Я ей сказал, что беру, а то вдруг заметит. Вдавил пенни со всей силы в мякоть, и вместе с монеткой выдавливается аккуратный кружочек. Мои облатки получились вкусней настоящих. Я оставил их на подоконнике на пару дней – они затвердели, как церковные, но стали невкусными. Интересно, я согрешил, когда стал их делать? Думаю, нет. Одна облатка с подоконника успела заплесневеть. Вот это грешно – позволить такому случиться. Я прочел один раз «Аве Марию» и четыре «Отче наш». Молитва «Отче наш» мне нравилась больше – длиннее и красивее. Я прочел их в темном сарае.

– Тело Христово.

– Аминь, – сказал Синдбад.

– Глаза-то закрой, – напомнил я.

Синдбад зажмурился.

– Тело Христово.

– Аминь.

Брат поднял голову и высунул язык. Я скормил ему заплесневелую облатку.

– А из чего священники делают облатки? – поинтересовался я у мамки.

– Да из муки, – сообщила она. – Пока не освятят, это просто хлеб.

– Нет, это не хлеб.

– Сорт другой, – поправились мамка, – пресный хлеб.

– Как это – пресный?

– Да я сама не знаю.

Я ей не поверил.

Лучшая часть в книге, когда отец Дамиан прибыл в колонию прокаженных, на остров Молокаи. Туда отправляли больных проказой, чтобы они других не заразили. Отец Дамиан понимал, на что идет, и понимал, что пути назад не будет. Когда он признался епископу, что хочет на Молокаи, странное выражение было на его лице. Епископа поразила и обрадовала храбрость молодого миссионера. Маленькая церковь на острове была ветхой и запущенной, но отец Дамиан привел ее в порядок. Он отломил ветку с дерева, сделал метелку и стал подметать в крошечной часовне. Потом украсил ее цветами. Прокаженные долго просто наблюдали за ним. Ведь он здоровый и сильный мужчина, а они всего лишь жалкие прокаженные. И на следующий день никто из них не предложил миссионеру помощи. Ложась спать, отец Дамиан слушал стоны больных и шум волн, разбивающихся о берег. Бельгия никогда не казалась ему такой далекой! Постепенно прокаженные стали помогать отцу Дамиану, даже подружились с ним. Они звали его Камиано.

– В Ирландии есть прокаженные?

– Нет.

– Ни одного?

– Ни одного.

Отец Дамиан построил хижины и новую церковь – получше, сделал много чего еще. Например, научил прокаженных сажать овощи. Он не забывал, что может заразиться проказой, но ему было все равно, он не боялся. Его самой большой радостью было проводить время с больными детьми: мальчишками и девчонками, которых он взял под свою опеку. Каждый день он возился с ними по несколько часов.

У прокажённых отгнивают и отваливаются части тела. Слышали о прокаженном пастухе? Он лез на лошадь, а нога отвалилась. Слышали о прокаженном картежнике? Он бросил карты, а они упали на стол вместе с рукой.

Однажды вечером, в декабре 1884 года, отец Дамиан опустил свои усталые ноги в воду, чтобы облегчить боль. И обварился до волдырей, потому что вода оказалась кипятком, но боли не было. Она понял, что у него проказа. Врач сказал печально:

– Невыносимо вам говорить, но это точно проказа.

А отцу Дамиану было все равно. Он ответил:

– Проказа так проказа. Благословен Господь милосердный!

– Благословен Господь милосердный! – сказал я вслух.

Папка засмеялся:

– Сынок, где ты этого нахватался?

– Вычитал. Так говорил отец Дамиан.

– Который из них Дамиан?

– Который с прокаженными...

– А, ну да, верно. Достойный был человек.

– В Ирландии когда-нибудь были прокаженные?

– Вряд ли.

– Почему?

– Проказа бывает только в жарких странах. Кажется.

– Жарко бывает и у нас.

– Да какая у нас жара, – махнул рукой папка.

– Еще какая!

– Недостаточно жарко. Должно быть очень-очень жарко.

– Сильно жарче, чем здесь?

– На пятнадцать градусов, – решил папка.

Проказа неизлечима. Отец Дамиан ничего не рассказывал маме в своих письмах. Только новость все равно просочилась, и разные люди стали посылать ему деньги. Отец Дамиан построил на них еще одну церковь – каменную. Кстати, церковь все еще стоит, и туристы могут и сейчас ее посетить. Отец Дамиан сказал своим духовным детям, что умирает, и теперь о них позаботятся монашки. Но они, обнимая его ноги, молили: «О нет, Камиано! Мы хотим остаться здесь, пока ты здесь». Пришлось монашкам уйти ни с чем.

– Давай еще раз.

Синдбад обнял мои ноги.

– О нет, Кам... Кам...

– Камиано!

– Не могу запомнить.

– Ка-ми-а-но.

– А можно просто сказать: Патрик?

– Нет. Давай еще раз, чтоб все правильно.

– Не хочу.

Я схватил Синдбада за руку и сделал крапивку, но несильно. Он схватил меня за ноги.

– Ниже.

– Чего?

– Ниже надо обнимать.

– Ага, а ты мне пенделя.

– Я тебе пенделя, если ты не сделаешь как надо.

Синдбад схватил меня за лодыжки и так стиснул – аж ступни друг о друга стукнулись.

– О нет, Камиано! Мы хотим остаться здесь.

– Хорошо, дети мои, – сказал я. – Оставайтесь.

– Спасибо огромное, Камиано, – сказал Синдбад, но ноги мои не отпустил.

Отец Дамиан умер в Вербное воскресенье. Прокаженные оплакивали его, сидя на земле, раскачиваясь и колотя себя кулаками в грудь, по старинному гавайскому обычаю. Знаки проказы сошли с него: ни струпьев, ни коросты. Он был святым. Это место я прочел дважды.

Мне были нужны прокаженные. Синдбад, мало того что вечно сбегал, так еще и нажаловался мамане, что я его в прокаженного превращаю, а он не хотел. Так что нужны еще прокаженные. Кевина играть не позовешь – он тут же сам стал бы отцом Дамианом, а я – прокаженным. Но это моя история! Так что я играл с двойняшками Маккарти и с Вилли Хенкоком, которым исполнилось по четыре года. Они думали, что здорово играть со взрослым мальчишкой – со мной. Я повел их к нам на задний двор и рассказал насчет прокаженных. Все захотели быть прокаженными.

– Прокаженные умеют плавать? – спросил Вилли Хенкок.

– Ага, – ответил я, хотя не знал наверняка.

– А мы не умеем, – сказал один из братьев Маккарти.

– Значит, не годитесь в прокаженные, – решил Вилли Хенкок.

– Плавать не нужно, – успокоил я. – Вам не обязательно уметь плавать. Нужно притвориться, что вы прокаженные. Изображать больных и слегка булькать.

Ребята наперебой забулькали.

– А смеяться они могут?

– Да, – кивнул я. – И иногда они ложатся на землю, чтобы я омыл их раны и прочел молитвы об исцелении.

– Я прокаженный!

– Я прокаженный! Буль-буль-буль!

– Буль-буль-буль, прокаженные!

– Буль-буль-буль, проказа!

– Отче наш, сущий на небесах. Да святится имя Твое...

– Буль-буль-буль!

– Заткнитесь на секунду.

– Буль-буль-буль.

Прокаженным было пора по домам – ужинать, я слышал их бульканье даже через забор.

– Я прокаженный! Буль-буль-буль!

– А у меня призвание! – сообщил я маме на всякий случай: вдруг миссис Маккарти придет поговорить про близнецов или миссис Хенкок.

Мамка одновременно варила обед и не пускала Кэтрин залезать на ящик под раковиной. В ящике хранились моющее средство и щетки.

– О чем ты, Патрик?

– У меня призвание, – повторил я.

Мамка взяла Кэтрин на ручки.

– Кто тебя позвал, куда? – спросила она.

Такого вопроса я не ожидал, но продолжал настаивать:

– Нет, я хочу стать миссионером.

– Молодец, умница, – похвалила мамка, но как-то неправильно похвалила. Я хотел, чтобы она заплакала, а папка пожал мне руку. Я и ему рассказал про призвание, когда он пришел с работы.

– У меня призвание.

– Нет у тебя никакого призвания. Мал ты еще.

– Есть. Господь говорил со мной.

Тут все пошло не так. Папка отправился говорить с мамой.

– Я же тебе говорил! А ты поощряешь этот вздор, – сказал он сердитым голосом.

– Ничего я не поощряю.

– Да, черт возьми! Еще как!

Ма, похоже, что-то для себя решила.

– Потакаешь ему! – взревел папка.

Мама выбежала из кухни, на ходу развязывая фартук. Папка пошел за ней с таким видом, как будто его поймали на горячем. И я остался один. Я не знал, что произошло и что я натворил.

Родители вернулись и ничего не сказали.

* * *

Улитки и слизни – брюхоногие; они ходят животом. Я насыпал соли на слизня. Я видел его мучения и агонию. Футбол правильно называется «футбол по правилам Ассоциации». В этот футбол играют круглым мячом на прямоугольном поле, двумя командами по одиннадцать игроков в каждой. Цель игры – забить гол, т. е. поместить мяч в ворота противника, которые ограничены двумя вертикальными столбами и стойкой, их соединяющей. Я заучил правила наизусть, просто потому, что они мне нравились. Они не были похожи на настоящие правила, и казались мне дерзкими. Самый большой зафиксированный разрыв в счете: 36:0 в игре «Арброута» против «Бон Аккорда». Больше всего голов за один матч забил Джо Пейн в 1936 году, играя за команду «Лутон».

Последний лидер апачей – Джеронимо.

Я поднял мяч. Мы играли на Барритаун-Гроув, потому что там были хорошие высокие бордюры, и мяч не убегал. Мяч, кстати, был лопнутый.

– Цель игры, – объявил я, – забить гол, т. е. поместить мяч в ворота противника, которые... которые ограничены двумя вертикальными стойками и перекладиной, их соединяющей.

Все заготовали.

– Повтори-ка!

Я повторил, притом с джентльменским выговором, и все заготовали еще громче.

– Дже-ро-ни-мо!

Последний из апачских повстанцев – Джеронимо. Последний из ренегатов.

– Вы, мистер Кларк, – ренегат.

Прежде чем ударить, Хеннесси, бывало, обзывал нас отступниками.

– Кто вы?

– Ренегат, сэр.

– Совершенно верно.

– Ренегат!

– Ренегат-ренегат-ренегат!

У меня была фотография Джеронимо. Он стоял на одном колене, опираясь локтем о другое. В руках его была винтовка, на шее платок, а рубашка была в горошек. Я и не замечал, что рубашка в горошек, пока не повесил фотографию на стенку. На правом запястье у него был браслет, похожий на часы. Наверное, ограбил кого-нибудь. Отрезал руку и снял браслет. Ружье выглядело как самодельное. Больше всего мне нравилось лицо Джеронимо. Он смотрел прямо в камеру, даже сквозь нее. Совсем не боялся. Похоже, не верил, как другие индейцы, что фотография крадет душу. Черные волосы, разделенные на пробор, падали прямо на плечи – ни перьев, ни колтунов. Лицо у него было как у старика, но так он был молод.

– Пап?

– Чего?

– Тебе сколько лет?

– Тридцать три.

– А Джеронимо было пятьдесят четыре.

– Как? Всегда?

Ему было пятьдесят четыре, когда была сделана фотография. А казался много старше. Он выглядел гневным и грустным. Рот скобкой книзу, как печальная мультяшная рожица. Глаза блестящие, черные. Нос крупный. Интересно, почему он такой грустный. Наверное, предчувствовал, что с ним произойдет. Нога его на фотографии казалось была похожа на девчачью: ни волосинки, ни желвачка. Он был в сапогах. Вокруг росли кусты. Я прикрыл пальцем длинные волосы апача, и он сделался похож на старуху. На древнюю печальную старуху. Тогда я убрал руку, и Джеронимо превратился обратно в Джеронимо. Фотография была черно-белая, так что я перекрасил его рубаху в синий. Заняло целую вечность.

Я нашел в книге еще одну картинку: Джеронимо со своими воинами на огромном поле. Джеронимо стоял посередине, в куртке, с полосатым платком на шее. Он снова казался одновременно старым и молодым. Плечи старые, а ноги молодые.

Картинки в этих книжках совсем не походили на кадры из фильмов про индейцев. Под одной была подпись: «Индейцы из племен сиу и змей на тропе войны». У главного парня на картинке волосы были собраны в хвост на затылке, а остальное выбрито, и голая голова сияет, как яблоко. Он ехал на лошади пригнувшись, чтобы вражеская стрела не догнала. Лошадь, заметно испуганная, косила на всадника глазом. Это была настоящая картина, очень она мне нравилась.

Была еще одна неплохая – индеец убивает бизона. Бизон подsunул голову под брюхо лошади. Убивать бизона нужно очень быстро, а то он собьет лошадь с ног. То, как индеец держался на лошади, его прямая спина, вытянутая рука с копьем – подсказывало, что победа за ним. Как бы то ни было, картина называлась: «Последний бизон». Остальные индейцы с краю картины мчались в погоне за целым стадом бизонов. Поле было усеяно черепами, и вокруг лежали мертвые бизоны. Увы, книжка была библиотечная, картинку не вырежешь, на стену не повесишь. Мы с па ходили в библиотеку в Балдойле. Там один зал был для взрослых, другой для детей.

Папка постоянно вмешивался. Свои книги сдаст-возьмет, и ко мне приходит. А еще он никогда нормально книги на полку не ставил.

– Вот эту я читал в твоём возрасте.

Знать не желаю, что он там читал в моём возрасте.

Разрешалось брать только две книги. Папка посмотрел на обложку.

– «Индейцы Северной Америки».

Вытащил книжную карточку и сунул в мой читательский билет. Вот вечно он так. И стал разглядывать вторую книжку.

– «Даниель Бун, герой». Молодец, хороший выбор.

Я читал в машине. Если головой не мотать, меня даже не укачивало. Даниель Бун – один из величайших первопоселенцев Северной Америки. Но, как и большинство первых американцев, он не очень хорошо умел писать. Вот что Даниель вырезал на дереве, после того, как удачно поохотился на медведя:

«Д Бун убил здесь Мидведя в годе 1773».

Писал он хуже, чем я, даже хуже, чем Синдбад. Я бы никогда не сделал ошибку в слове «медведь»! И вообще, зачем взрослому выцарапывать что-то на дереве?

– Старый Бун был охотник,
Был славный охотник
И рыбак на блесну,
Но полез от медведя,
Под кустом его встреть,
Высоко на сосну!

На картинке Даниель Бун был кретин кретином. Он спасал жену и сына от напавшего на них индейца с топором. У индейца были жесткие черные космы и какая-то розовая занавеска на бедрах, а больше ничего. Он смотрел на Буна, выворачивавшего ему руки, с непередаваемым ужасом. Ростом индеец недотягивал Буну до плеча. На Даниеле Буне была зеленая куртка с белым воротником и какой-то бахромой на рукавах, а еще меховая шапка с красным помпоном. Он был похож на продавщицу из кондитерской лавки в Рахени. Собака явно лаяла. А жена Буна выглядела так, словно ей донельзя надоел весь этот шум вокруг. Она была в открытом платье и с длинной, аж до самой попы, черной косой. У собаки был ошейник и медальон с кличкой. И все это происходило в лесу. По телевизору Дэниел Бун тоже мне не нравился. Чересчур уж милашка.

– Фесс Паркер, – прочел папка имя автора. – Что за имя такое?..

Мне нравились индейцы, нравилось их оружие. Я сам смастерил палицу, как у апачей: положил в носок стеклянный шарик, гвоздем прибил носок к палке и сверху воткнул перышко. Оно забавно жужжало, когда я вращал палицу, но довольно скоро выпало. Я ударил палицей по стене; откололся кусок штукатурки. Надо было выбросить второй носок, а то ма нашла его:

– Значит и второй далеко не ушел. Посмотри под кроватью.

Я поднялся к себе и заглянул под кровать, хотя знал, что искать нечего, а мама за мной не пошла. И все-таки полез под кровать. Нашел солдатика – немец времен Первой мировой, в заостренном шлеме.

Еще я читал про Вильяма²⁸. Все тома прочел, а их было тридцать четыре. У меня на полке стояло всего восемь, остальное пришлось брать в библиотеке. Самая лучшая оказалась «Вильям-пират». «Скажу я вам! – ахнул Вильям. Впервые вижу такого умного пса. Эх, скажу я вам! – ахнул Вильям. – Чудо что за собака. Тоби, ко мне! Тоби! Ко мне, мой хороший!» Тоби был ласковый, дружелюбный песик. Подбегал к Вильяму, играл с ним, притворно рыча и весело перекачиваясь с боку на бок.

– Можно мне собачку на день рождения?

– Нет.

– А на Рождество?

– Нет.

– А один подарок за два праздника?

– Нет.

– Ну ведь и за день рождения, и за Рождество!

– Ты что, напрашиваешься, чтобы я тебя отшлепал?

– Нет.

С тем же вопросом я пристал к маме. Она сначала тоже все «нет» да «нет», но когда я предложил, что за два дня рождения и два Рождества, ответила: «Посмотрим».

Уже что-то.

Вильямова компашка – сам Вильям, Джинджер, Дуглас и Генри – называли себя «Изгой». Настала очередь Джинджера толкать тележку, и он принялся за дело с решительностью и мощью.

– Мощь, – повторял я. – Мощь! Мощь, мощь, мощь!

Целый день мы звали себя племя «Мощи». Фломастером Синдбада написали каждому прямо на груди заглавную букву «М». Было зябко. Фломастер щекотался. Крупные черные буквы М. От бока к соску, оттуда – вниз к пупку, к другому соску и вниз к боку.

– Мощь!

---

²⁸ «Просто Вильям» (англ. Just William) – серия из 39 книг, написанных английской писательницей Ричмал Кромптон о приключениях школьника Вильяма Брауна и его друзей.

Кевин кинул колпачок фломастера в самую прибрежную грязь. Первым делом мы пошли в магазин к Тутси и по команде задрали футболки.

– Раз-два-три...

– Мощь!

Она даже не обратила внимания. И ничего не сказала. Мы выскочили из магазина. Кевин нарисовал громадный хер на столбе возле дома Кирнанов. Мы убежали, но потом вернулись за Кевином: он дорисовывал брызги. Мы убежали второй раз.

– Мощь!

Кирнанов было только двое – мистер Кирнан и миссис Кирнан.

– У них что, умерли дети? – спросил я у мамки.

– Нет! Просто нет у них детей.

– А почему?

– Бог знает, Патрик.

– Глупо как-то.

Кирнаны были не старые, оба ездили на работу. В машине. Миссис Кирнан тоже водила. А пока они были на работе, мы лазили к ним на задний двор. Дом был угловой, стена выше обычного, так что там можно было хоть вечность играть незамеченными. Самый большой риск и самый блеск было выбираться обратно. Особенно здорово было лезть вторым, первым слишком страшно. Вдруг там твоя мамка гуляет с коляской. Выглядывать заранее запрещалось; такое было правило. Надо было сразу лезть, не глядя, есть ли там кто-нибудь. Ни разу нас не поймали. На бельевой веревке висели трусы миссис Кирнан. Я выдернул шест, на котором держалась веревка, и она опустилась ниже. Не сговариваясь, мы схватили Эйдана и стали тыкать его лицом в трусы. Он изображал, что его тошнит.

– Радуйся, что они не грязные.

Я вернул шест на место. Мы по очереди разбегались и прыгали, пытаясь дотянуться до трусов. Потрясающе. Сто лет мы так развлекались. С веревки мы их так и не сняли.

Ма увидела букву М, когда мы мылись в субботу после ужина. Мы с Синдбадом мылись вместе, и ма всегда разрешала нам пять минут поплескаться. Вот и увидела у нас обоих полустертые «М».

– Это еще что?

– Буквы М.

– Зачем вы себя изрисовали?

– Просто так, – пробубнил я.

Мамка густо-густо намылила мочалку и, крепко держа меня за плечо, стирала букву. Было больно.

Я покупал в лавке мистера Фица полбрикета мороженого. Было воскресенье. Ванильное с прожилками клубничного джема. Мне было велено сказать мистеру Фицу, чтобы записал покупки на мамин счет, что означало: в пятницу она сама заплатит. Мистер Фиц упаковал мороженое в такую же бумагу, в какую заворачивал булочки. Бумага моментально намокла.

– Ну вот.

– Большое спасибо.

Миссис Кирнан стоит в дверях. Сейчас войдет, я видел очертания ее фигуры. Щеки у меня сразу загорелись. Она увидит мое лицо и схватит меня. Обо всем догадается.

Я прошел мимо нее. Сейчас схватит за плечо, остановит. Около магазина стояла толпа народу, разговаривали. С газетами, со стаканчиками мороженого. Все увидят мой позор. Кевина папа с мамой тоже тут. И девочки. Сейчас она схватит меня и заорет.

Я перебежал улицу и пошел домой по другой стороне. Она знала. Кто-то ей сказал. Как пить дать знала. Специально ждала. Пошла за мной в магазин, чтобы проверить, покраснею

ли я. И она заметила. Лицо мое все еще было красным и горело. Волосы у миссис Кирнан были длиннее маминых, да и пышнее, гуще. Каштановые волосы. Она никогда со мной не здоровалась. Никогда не ходила в магазин. Кирнаны ездили только на машине. Они жили на нашей улице, совсем рядом с нами. Мистер Кирнан был единственный взрослый мужчина в Барритауне, у которого были бакенбарды, да еще и усы.

Я оглянулся. Чисто. Не пошла за мной. Я перебежал на нашу сторону улицы. Какая она была красивая. Великолепная! Даже по воскресеньям она носила джинсы. Может, она просто ждет подходящего момента, чтобы меня поймать.

Я мешал мороженое ложкой, пока оно не стало мягким. Клубничные прожилки исчезли, и все мороженое сплошь порозовело. Обычно я ел маленькой ложечкой, чтобы растянуть удовольствие. Щеки загорелись, но не так сильно, как первый раз. Кровь бухала в висках. Прямо перед глазами стояло, как я выхожу, а там ждет миссис Кирнан; хочет с мамой поговорить, рассказать, что мы делали с ее трусами. И папка узнает. Мне слышались ее шаги. Я ждал звонка в дверь.

Если я доем мороженое, а звонок все еще не раздастся, миссис Кирнан не придет. Но съесть все мороженое одним махом нельзя, есть надо было медленно, как обычно. Я всегда доедал последний. И мне разрешали облизать тарелку. В дверь вообще никто не звонил. Я почувствовал, что дело сделано, задание выполнено, и щеки уже не горели. Стало очень тихо. Не поднимая глаз, я спросил у родителей:

– А можно носить джинсы в воскресенье?

– Нет, – ответил папка.

– Когда как, – ответила мама. – Во время мессы точно нельзя.

– Вообще нельзя! – отрезал папка.

Мамка глянула на него, как глядела на нас, застав за каким-нибудь хулиганством, – даже печальнее.

– У него и нет джинсов. Он же просто так спросил.

Папа ничего не сказал. И мама тоже ничего больше не сказала.

Мама читала книжки. Обычно по вечерам. Облизывала пальцы, когда доходила до конца страницы, и переворачивала ее, взявшись мокрыми пальцами за уголок. Утром я проверял ее закладку – клочок газеты – и отсчитывал, сколько страниц она прочла накануне. Рекорд был сорок две.

Парты в нашей школе пахли церковью. Когда Хенно велел нам уснуть – я складывал руки и утыкался в них лбом, и пахло совсем как от скамеек в церкви. Приятно. Пряно и немножко вроде земель под деревьями. Я даже лизнул парту. Вкус ужасный.

Однажды Иэн Макэвой действительно уснул, когда учитель скомандовал: «Усните!» Хенно болтал в дверях класса с мистером Арнольдом и велел нам сложить руки и уснуть. Он всегда так делал, если хотел поговорить с кем-то или почитать газету. Мистер Арнольд носил бакенбарды, которые сходились под подбородком. Однажды его показывали по телевизору в передаче «Шоу для полуночников»; он с двумя дамами и еще с одним мужчиной играл на гитаре и пел. Мне разрешили посмотреть, хотя было уже поздно. Одна женщина тоже играла на гитаре. Они с мистером Арнольдом стояли чуть позади, а другая пара – в центре. Рубашки у дам и мужчин были одинаковые, только мужчины все при галстуках, а женщины – без.

– Учитель из него лучше, чем музыкант, – сказал па.

Мамка на него шикнула.

Джеймс О'Киф двинул ногой по моему сиденью. Я приподнял голову и быстро обернулся к нему.

– Поджопничек, – ухмылялся Джеймс О’Киф. – Передай дальше. – И снова уткнулся в руки.

Я сполз под парту, дотянулся ногой под сиденье Иэна Макэвой и пнул его. Иэн Макэвой не шевельнулся. Я снова пнул. Я сполз еще ниже, вытянул ногу подальше и лягнул Иэна Макэвой под колено. Даже не вздрогнул. Я сел ровно, подождал немножко и повернулся к Джеймсу О’Кифу.

– Макэвой дрыхнет.

Джеймс О’Киф прикусил рукав свитера, чтобы не рассмеяться. Наконец-то не он вяпался, а кто-то другой.

Мы ждали. Шикали друг на друга, чтобы не разбудить Иэна Макэвой, хотя и так почти не шумели.

Хенно закрыл дверь.

– Сядьте прямо.

Мы немедленно сели прямо и уставились на Хеннесси, ждали, что он заметит Иэна.

Английский язык, правописание. Хенно положил на стол журнал. В него он ставил все отметки, в пятницу сосчитывал их вместе и пересаживал нас «согласно результатам». Тех, у кого оценки лучше, сажали у окна, а плохих учеников куда-нибудь назад, поближе к вешалкам с одеждой. Я обычно оказывался где-то в середине, а иногда и спереди. Сзади сидящим доставалось произносить по слогам самые трудные слова, а из таблицы умножения их спросят не трижды одиннадцать, а одиннадцатью одиннадцать или одиннадцатью двенадцать. Если, подсчитав оценки, посадят в задний ряд, выбраться обратно уже нелегко, и записки тебе передавать перестанут.

– Средиземное.

– С-р-е-...

– Начало легкое, продолжай.

– д-и-...

– Дальше.

Сейчас ошибется, это же Лиам. Обычно он сидел позади меня или в боковом ряду около вешалок, но в четверг вдруг получил десять из десяти по арифметике и сидел впереди меня и впереди Иэна Макэвой. Я получил всего-то шесть из десяти, потому что Ричард Шилс не дал списать. Ну, да я его размазал по стенке потом.

– з-и-м

– Неправильно. Ты – червь. Кто ты?

– Червь, сэр.

– Именно, – сказал Хенно. – Безобр-разие! – и отметил ошибку Лиамы в своем журнале.

По пятницам Хеннесси не только пересаживал нас, но еще и порол. Для аппетита, как сам говорил. Это придавало остроту, а то ему рыба в горло не лезла. Одна ошибка – один удар. А ремень он вымачивал в уксусе все летние каникулы.

Следующим был Кевин, за ним Макэвой.

– С-р-е, – бормотал Кевин, – д-и-з-е-...

– Так-так...

– м-н-н-...

– Безобр-разие! Мистер Макэвой, теперь вы.

Но Иэн Макэвой все еще дрых. Кевин, сидевший с ним за одной партой, позже уверял, что Иэн улыбался во сне.

– Девчонку во сне видит, – прошептал Джеймс О’Киф.

Хенно вскочил и уставился на Иэна Макэвой, поверх головы Лиамы.

– Он уснул, сэр, – сказал Кевин. – Разбужу его?

– Нет, – сказал Хенно и приложил палец к губам, призывая нас к тишине.

Мы заерзали и захихикали. Хенно осторожно подкрался к парте Иэна. Мы наблюдали за учителем – он явно не был настроен на шутки.

– Мис-тер Макэвой!

Ничуть было не смешно; мы и не смеялись. Я почувствовал порыв воздуха, когда рука Хенно взлетела и со всей силы ударила Иэна Макэвоя по шее. Он вскочил и ахнул, потом застонал. Иэна мне видно не было, но я видел лицо Кевина. Он был бледен, губы плотно сжаты.

Мистер Хеннесси предупреждал нас, что пятницы пропускать нельзя. Если кого-то не было в пятницу, он наказывал его в понедельник. И никаких оправданий.

Все парты во всех классах пахли одинаково. Если парта стояла у окна, то на нее падало солнце и она выгорала, становилась светлее. Парты нам поставили новые, а не такие, у которых крышка поднималась, а под ней было место для книжек. Крышки наших парт были привинчены, а внизу была полочка для книг и сумок. Сверху была специальная канавка для ручек и ямка для чернильницы. Можно было толкнуть ручку по столу, и она не падала. Мы делали это только на спор, потому что Хенно терпеть не мог любой шум.

Джеймс О'Киф однажды выпил чернила.

Чтобы вставать, когда велят, приходилось поднимать сиденье, и делать это надо было тихо. Если стучали в дверь и входил учитель, или мистер Финнукейн, наш директор, или отец Молони, мы должны были встать.

– Dia duit²⁹.

Хенно поднимал руку ладонью кверху, и по этому знаку мы говорили хором.

Мы сидели за партами попарно. Если сосед спереди выходил к доске или в leithreas³⁰, то на его ногах можно было заметить красную полосу – след от сиденья.

Пришлось спускаться к родителям. Синдбад ревел и при этом гудел как поезд. И не мог остановиться.

– Утихни, а то разорву тебя на части.

Удивительно, как можно было не слышать этих воплей. Свет в прихожей не горел, хотя они должны были оставить его включенным. Я спустился. Линолеум внизу был ледяной. Прислушался: Синдбад все еще скулил.

Как же я любил втягивать его в неприятности, особенно так – прикидываясь, что помогаю ему.

Родители смотрели фильм про ковбоев, и папка даже не притворялся, что читает газету.

– Фрэнсис плачет.

Мама посмотрела на папу.

– Никак не успокоится.

Снова переглянулись. Ма поднялась, вечность распрямляя поясницу.

– Всю ночь стонет...

– Иди в спальню, Патрик, давай.

Я пошел впереди нее, остановился, где начиналась темнота, – убедиться, что она идет. Дошел до кровати Синдбада.

– Мама идет.

Лучше бы это был папка. Ма ему ничего не сделает, поговорит только, может, даже обнимет. Но меня это не сильно расстроило: пропала всякая охота доставать мелкого, слишком уж я замерз.

– Уже идет, – повторил я Синдбаду.

Так я спасал брата.

---

²⁹ Здравствуйте (*ирл.*), буквально: благослови вас Бог.

³⁰ Уборную (*ирл.*).

Он заскулил чуть громче, мамка как раз распахнула дверь. Я залез под одеяло, где еще сохранялось тепло.

– Ах, что с тобой, Фрэнсис? – спросила она совсем другим голосом, чем говорила «Ну, что с тобой на этот раз?»

– Ноги болят, – сказал Синдбад сквозь слезы.

– Как болят?

– Жутко...

– Обе ноги?

– Ага.

– Одинаково болят?

– Ага.

Мамка гладила Синдбада по щекам, не по ногам.

– Как прошлый раз?

– Ага.

– Ужас. Бедняжка.

Синдбад всхлипнул.

– Это ты у нас растешь, – успокаивала Синдбада мама. – Вырастешь высокий-превысокий.

У меня ноги никогда не болели от роста.

– Очень высокий. Вот будет славно, да? А уж как легко станет соседские яблоки красть!

Мы покатались со смеху.

– Проходит?

– Вроде...

– Вот и хорошо. Высокий и красивый. Девчонки будут штабелями падать. От вас отобоих.

Когда я снова открыл глаза, ма все еще сидела у постели Синдбада. Тот спал. Это было понятно по сопению.

Мы ввалились в зал. Отдавали три пенса мистеру Арнольду и проходили. Все передние сиденья заняли малявки: пятилетние, шестилетние и прочие младшеклассники. Неважно: как только погасят свет, мы все залезем на сиденья с ногами. На задних сиденьях сидеть с ногами гораздо удобнее. А вот и Синдбад со своим классом. В новых очках! Одно стекло очков было заклеено черным, как у миссис Бирн с нашей улицы. Па говорил, что это чтобы второй глаз разрабатывался, а то лентяйничает. По дороге домой после покупки очков, мы ели мороженое «Голли»³¹. Ехали мы на поезде. Синдбад заявил маме, что когда вырастет, то первые пять фунтов, которые заработает, он потратит на то, чтобы дернуть стоп-кран и заплатить штраф.

– А какую работу ты найдешь, Фрэнсис?

– Буду фермером.

– Фермеры на поезде не ездят, – вмешался я.

– Почему нет? – удивилась мамка. – Конечно, ездят.

На дужках очков были проволоочки, которые накрепко закручивались вокруг ушей, чтобы хозяин не потерял очки. Синдбад все равно потерял.

Случалось, по пятницам после малой перемены отменяли занятия, и в актовом зале крутили кино. По четвергам нас предупреждали, что надо принести по три пенса. Лиам с Эйданом однажды забыли, а их все равно пустили, только пришлось дожидаться, пока войдут все, кто заплатил. Мы стали кричать, что мистер О'Коннелл не мог наскрести шесть пенсов зараз. Это

---

³¹ Ванильное мороженое с черной глазурью, с изображением на упаковке карикатурного негртенка Голливого. Было очень популярно в Ирландии, с 1992 г. продается под названием Giant Bar [Гигантская плитка] в другой упаковке.

я придумал так дразниться. Они принесли деньги в понедельник, но мы повторяли это снова и снова, и Эйдан разревелся.

Хенно управлял кинопроектором и страшно собою гордился. Сидел за ним, как за штурвалом истребителя. Стол с проектором стоял за нашими спинами, посередине между рядами сидений. Как только свет выключали, мы, выползали в проход, приподнимались и в луче проектора строили пальцами разные фигуры, чаще всего лающую собачку. Тени появлялись на экране. Это была простая часть. Труднее было вернуться на свое место прежде, чем включат свет. Все тебя не пускают, задерживают в проходе, пинают, на пальцы наступают, а ты ползешь под креслами в грязи, в пылище... Потрясающе!

– Достаньте тетради по английскому языку, – сказал Хенно.

Мы помешкали.

– Anois³².

Пришлось доставать. Мои все были обернуты в обои, которые остались у тети Мьюриэл после ремонта в ванной. Она тогда отдала папке рулонов десять.

– На целый Тадж-Махал обоев накупила, – пошутил па.

– Тихо ты, – шикнула мама.

Тетрадь я подписывал через трафарет. Патрик Кларк. Класс мистера Хеннесси. Английский язык. Руками не трогать.

– Этот ряд и этот, – велел Хенно, – несите тетради. *Seasaíge suas*³³.

Мы отдали тетради Хенно, а он преспокойно подсунул их под передние ножки стола, чтобы изображение на экране было ровным.

Учителя стояли сбоку по двое-трое и шикали на нас весь фильм. Приваливались к стене; кое-кто курил. Только мисс Уоткинс ходила вокруг дозором, но ни разу никого не поймала, потому что все видели ее голову на экране, если она приближалась к проходу.

– Не заслоняйте! Ну, не заслоняйте, пожалуйста! – кричали тогда мы.

Если день стоял солнечный, происходящего на экране, по большому счету, было и не разглядеть – шторы на окнах были слишком тонкие. Мы радовались каждому облаку, закрывшему солнце, и свистели, когда солнце снова выходило. Иногда мы просто слушали фильм, но было легко понять, что творится на экране.

Обычно вначале показали пару-тройку мультиков про дятла Вуди³⁴. Я умел издавать клич дятла Вуди.

– Тихо! – кричали учителя. – Перестаньте!

Но потом они уходили. Когда мультики про Вуди заканчивались и начинались «Три балбеса»³⁵, в кинозале оставались только Хенно, мистер Арнольд и мисс Уоткинс. От клича дятла Вуди болело горло, но оно того стоило.

– Я знаю, что это ты, Патрик Кларк.

Мисс Уоткинс шурилась в нашу сторону, но ничего разглядеть не могла.

– Давай еще раз!

Я дождался, пока она не уставится прямо на нас, и снова завопил:

– Уаа-ках-ках-ках-кех-кух...

– Патрик Кларк!

– Это не я, мисс.

– Это птичка на экране, мисс.

---

³² Сейчас же (*ирл.*).

³³ Встаньте (*ирл.*).

³⁴ *Дятел Вуди* (*англ.* Woody Woodpecker) – мультипликационный антропоморфный дятел, герой большого количества мультфильмов. Известен своим залившимся криком-смехом, появляющимся на заставке.

³⁵ «Три балбеса» (*англ.* The Three Stooges) – трио американских артистов водевиля, снявшееся в 190 короткометражных фильмах. Их отличительной чертой был фарс и буффонада.

– Ваша голова мешает!

– На свету заметны блошки в вашей голове, мисс!

Она, по-прежнему застынув под лучом проектора, подошла вплотную к Хенно, однако тот не соизволил остановить сеанс.

– Уаа-ках-ках-ках-кех-кух...

«Три балбеса» мне тоже нравились. Иногда крутили «Лорела и Харди»³⁶, но мне больше нравились «Три балбеса». Некоторые называли их просто «Три балбеса», но я знал, что правильно: «балбесы», – мне папка сказал. Фильмы про них было почти невозможно пересказать: сплошной галдеж и лупцуют один другого. Звали их Ларри, Мо и Кёрли. Подражая им, Кевин как-то ткнул мне пальцами в глаза – мы все вместе гуляли на пустыре за магазинами, – и я ослеп на целую вечность. Сперва от боли я просто не мог открыть глаза. Голова болела всеми головными болями разом: и болью от слишком большого куска мороженого, и болью от удара веткой в глаз. Я прижал к лицу ладони и не убирал. И дрожал мелкой дрожью, как сестренка Кэтрин, после бесконечной истерики. Притом дрожал против своего желания.

Я даже не соображал, что кричал, это мне после рассказали. Все жутко испугались. В следующий раз, когда я наткнулся плечом на гвоздь, торчавший из стойки ворот, тоже начал орать, но получалось не очень естественно. Тогда я перестал вопить и стал кататься по мокрой земле. Когда вернулся с работы папка, мама тут же рассказала ему, и он отправился к Кевину домой. Я следил за ним из окна родительской спальни. Вернулся, но ничего не сказал. Кевин не знал, что обсуждали его папка с моим, и готовился к смерти, особенно когда разглядел фигуру моего папани сквозь стеклянную дверь прихожей. Но никто его не стал убивать. На следующий день за чаем я рассказал родителям, что Кевину ничего не было. Па даже не удивился.

Глаза у меня налились кровью. И фингал появился вдобавок.

Самое лучшее в «Трех балбесах» было то, что их показывали без перерывов. Чтобы поменять пленку на главный фильм, Хеннесси отматывал назад старую. На белом экране возникали небольшие цветные всплески, и раздавался странный звук: это пленка щелкала по пустой катушке. На это уходила целая вечность.

Включили свет, чтобы Хенно мог видеть, что делает. Хорошо, что мы все успели убрать ноги с сидений. Мы играли в цыплака: кто первый нормально сядет, тот и цыплак.

Однажды на киносеансе у Флюка Кэссиди случился эпилептический припадок, и никто не обратил внимания. Шел фильм «Викинги»³⁷. Погода стояла пасмурная, так что мы посмотрели фильм от начала до конца. Флюк рухнул с кресла, но с нами такое постоянно случалось. Фильм был великолепный, наверное, самый лучший в моей жизни. Мы громко топали, чтобы Хенно поторопился со второй пленкой. И только тогда заметили Флюка.

– Сэр! У Люка Кэссиди припадок.

Мы разбежались в стороны, чтобы нас в произошедшем не обвинили.

Флюк сбил три стула, пока не перестал трястись. Мистер Арнольд накрыл его курткой.

– Теперь фильм не досмотрим, – вздохнул Лиам.

– Почему?

– Потому что Флюк.

Мистер Арнольд попросил:

– Пальто, мальчики, несите свои пальто.

– Пойдем посмотрим, – решил Кевин.

Мы прошли через два ряда, чтобы лучше рассмотреть Флюка. Он будто бы спал, только казался бледней обыкновенного.

---

³⁶ «Лорел и Харди» (англ. Laurel and Hardy) – Стэн Лорел и Оливер Харди – одна из наиболее популярных комедийных пар в истории кино. В общей сложности ими снято более 200 короткометражных и полнометражных фильмов.

³⁷ «Викинги» (англ. The Vikings) – исторический фильм 1958 г., боевик режиссера Ричарда Флейшера. В главной роли – Кирк Дуглас.

– Воздуху дайте, мальчики. Расступитесь.

Хенно и мистер Арнольд укрыли Флюка четырьмя пальто. Лицо не закрыли. Значит, не умер.

– Кто-нибудь, сходите к мистеру Финнукейну!

Мистер Финнукейн – это директор.

– Сэр!

– Сэр!

– Меня, сэр!

– Ты пойдешь. – Хенно ткнул пальцем в Иэна Макэвоя. – Расскажи ему, что случилось.

О чем ты доложишь?

– Что у Люка Кэссиди припадок, сэр.

– Правильно.

– Хотите, мы его отнесем, сэр.

– Эй вы, на задних рядах! А ну тихо! Ни звука!

– Тихо вы! Сядьте! Немедленно!

– Это мое место, сэр...

– Тихо!

Мы расселись. Я обернулся к Кевину.

– Ни писка, мистер Кларк, – предупредил Хенно. – Все смотрим на экран.

Саймон, братишка Кевина, поднял руку. Он сидел в первых рядах.

– Да? Что ты хотел?

– Малахи О'Лири не успел в туалет, сэр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.